

с. 2

охота

и охотничье хозяйство

1

2004

04' 1-6

С Новым годом!

Русский кречет в опасности

В. ФЛИНТ
заслуженный эколог РФ
А. СОРОКИН
руководитель Русского соколиного центра
Н. МИХАЙЛОВА
сотрудник Русского соколиного центра

Кречет в питомнике (особенно ценная белая морфа)

Среди настоящих соколов, да, пожалуй, и хищных птиц вообще, кречет занимает совершенно особое место. Это самый крупный сокол мировой орнитофауны, но исключительное его положение связано не с размерами, а с той ролью, которая эта птица играла в культурной, общественной и политической жизни Европы и Азии в средние века. Кречет почитался там как королевская птица, его изображения украшали гербы самых известных государственных деятелей и военачальников, он воспет в старинных поэмах и сагах XII—XVII веков в Западной Европе. Как ловчая птица он достиг апогея во времена императора Фридриха II Гогенштауфен, который по праву считается основоположником правильной соколиной охоты. Однако соколиная охота была уделом аристократии, и смертельным ударом по ней стала Француз-

ская революция. Свою роль сыграло и появление огнестрельного оружия, гораздо более дешевого и доступного, нежели кречеты.

В России соколиная охота была хорошо известна со времен Владимира Мономаха, однако особого расцвета достигла в царствование Алексея Михайловича Романова, который вззошел на престол в 1613 году и охотился почти исключительно с кречетами. Помимо охоты русские кречеты активно использовались в качестве надежного «дипломатического оружия» при установлении государственных отношений и заключении важнейших договоров и соглашений. Против такого подарка, как белый кречет, не мог устоять никто! Но основным назначением кречета во времена Алексея Михайловича была все же царская охота, которая обставлялась с изумительной пышностью и проводилась еженедельно. По некоторым сведениям, на «Соколином дворе» в то время содержалось до 3000 кречетов! А поскольку ловчие птицы нередко теряются («отлетают»), да и аппетиты сокольников не сокращались, пополнение было нужно постоянно. Поэтому существовала даже особая социальная группа населения, так называемые «помытчики», которые путем легального отлова кречетов в природе,

преимущественно в гнездовом ареале, обеспечивали постоянный приток замечательных птиц в царские сокольни. Как и сами кречеты, так и их особо значимые гнездовья охранялись законом, а законы в те времена, в отличие от наших, были строги и соблюдались неукоснительно.

Однако регулярный, хотя и легальный вылов кречетов, и притом в значительных количествах, не мог не отразиться на численности популяции. Тем не менее она все же держалась на достаточно высоком уровне, и угрозы виду не возникало. Тем более что сменивший на троне Алексея Михайловича сын его, Петр I, не любивший охоту вообще и имевший иные приоритеты, стал могильщиком соколиной охоты в России. Кречет в принципе сошел с арены, давление на него сократилось, коммерческая роль резко снизилась. Кречета оставили в покое, и численность его стабилизировалась. Правда, на несколько более низком уровне, нежели до эры соколиной охоты. Более или менее по такому же сценарию развивались события и в Западной Европе, хотя мода на кречетов не угасла, особенно в Англии.

В странах арабского мира соколиная охота процветает с незапамятных времен, и кречет хорошо известен ара-

охота

и охотничье хозяйство 1 2004

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
● Основан в октябре 1955 г.

бам. С ним иногда даже охотились на основную добычу арабских сокольников — пустынную дрофу-джека. Казалось бы, джек — самая подходящая добыча для кречета. Однако он не получил тогда популярности. Дело в том, что кречет плохо переносит жару, более подвержен болезням, капризнее в работе, хуже, нежели балобан, берет добычу, сидящую на земле. Именно поэтому кречет не стал первым лицом в соколиной охоте арабов, безоговорочно уступив эту роль балобану, более универсальному, дешевому и доступному. Вместе с тем арабы как редкостные ценители ловчих птиц не могли не восхищаться красотой кречета и поэтому держали его в качестве престижного украшения дворцов королей и других правителей, как символ мужества и силы. Покупали этих кречетов, особенно белых, в Европе, у норвежцев, исландцев и датчан, привозивших птиц из Гренландии. Причем покупали за большие деньги! И такое положение длилось долго!

А затем произошло чудо: в конце XX века в странах арабского мира кречет из декоративной превратился в ловчую птицу, причем ценную по охотничьим качествам! Естественно, что спрос на кречетов резко возрос, а цены многократно повысились.

Не существует никакой документированной информации о причинах этого превращения. Однако сопоставление ряда достоверных фактов позволяет предположить более или менее правдоподобную версию движущих сил этого процесса. Оговоримся, однако, что это наша личная точка зрения.

Во второй половине XX века страны арабского мира стали мировым поставщиком нефти и их аристократия фантастически разбогатела. В числе прочих благ «нефтедоллары» дали возможность создавать «соколиные дворы», оснащенные всеми достижениями современной техники, в том числе обеспеченные искусственным климатом. Задача оптимального круглогодичного содержания кречетов была решена. И это отвечало амбициям шейхов!

В это время в Западной Европе начали создаваться специальные питомники, где была разработана технология не только разведения, но и выращивания соколов, в том числе и кречетов. На первых порах арабские сокольники почти игнорировали вольерных птиц, считая их недостаточно сильными и быстрыми, а поэтому непригодными к охоте. Однако со временем, когда была разработана программа тренировок молодняка, арабы переменили свое мнение и стали покупать вольерных кречетов.

Следующим шагом на пути прогресса соколиной охоты стала разработка методов искусственного осеменения, что открыло широкие перспективы для межвидовой гибридизации соколов. Используя в качестве одного из родителей кречета, владельцы питомников

обрели возможность получать исключительно ценных по своим охотничьим качествам птиц. Кроме того, гибридные соколы отличаются индивидуальными особенностями окраски, что отвечает вкусам арабских сокольников, стремящихся к обладанию «уникальным» соколом. Гибридизация также облегчала торговлю ловчими птицами, так как помеси не попадали под законодательные запреты.

Следует добавить, что именно середина XX века ознаменовалась глубокой депрессией численности всех хищных птиц, вызванной отравлением пестицидами, используемыми в сельском хозяйстве. Особенно токсичным оказался ДДТ, имевший очень широкое применение и в лесном хозяйстве. Поэтому параллельно с запретом использования ДДТ в развитых странах Европы и Северной Америки резко ужесточились и все другие меры охраны хищных птиц. Одной из наиболее действенных мер стала Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (так называемая СИТЕС). Под охрану этой Конвенции подпали все виды соколообразных, причем кречет, как и следовало ожидать, попал в выс-

шую категорию охраны (Приложение I). В соответствии с текстом Конвенции вывоз кречетов из страны-члена Конвенции и ввоз его в другую страну с тем же статусом допускается только по специальным разрешениям и только для разведенных в вольерах птиц не ранее второго поколения. В странах Северной Америки значительно более строгие правила были введены задолго до создания СИТЕС. Таким образом, легальный отлов птиц и экспорт соколов на всей территории ареала кречета официально полностью прекратились.

Однако спрос на кречетов, добытых в природе, не прекратился. Цены на них держатся еще на очень высоком уровне. А спрос, как известно, всегда рождает предложение, и удовлетворение этого спроса перешло в руки криминальных структур, а местом нелегального добывания птиц стала Россия, где природные запасы кречета еще не подорваны.

На территории Российской Федерации гнездятся два хорошо различимых подвида кречета: западносибирский, или европейский, и восточносибирский, или камчатский, кречет. Гнездовой ареал западносибирского подвида охватывает тундры и лесотундру от Мурмана на западе до долины реки Лены на востоке. Птицы этого подвида характеризуются более мелкими размерами и доминированием в популяции кречетов темной (серой) морфы. Гнездовой ареал имеет отчетливо выраженный пятнистый характер. Как показал анализ региональных Красных книг и других литературных источников, участки с относительно высокой плотностью гнездования известны на юге Ямала (до 40 гнездящихся пар) и на плато Путорана (160—200 пар). В Тиманской тундре отмечено более 10 пар, а на Кольском полуострове всего 8 пар. Имеются сведения о гнездовании кречета также в Большеземельской тундре, на Югорском полуострове и на Канине, но численность неизвестна даже приблизительно. Во всех упомянутых регионах кречет отнесен к категории видов с сокращающейся численностью. Причины сокращения численности связаны с естественными или антропогенными изменениями природы, но не с нелегальным отловом, который коммерчески не оправдан из-за сравнительно малой численности, значительной дисперсности кречетов на территории ареала и относительно низких экстерьерных качеств самих птиц. Не исключено, однако, что это явление носит временный характер.

Иначе сложилась судьба камчатского кречета, обитающего в Якутии, на Чукотском полуострове, в Корьякском нагорье и на Камчатке. Эти кречеты заметно крупнее западных, и среди них обычны светлые или даже чисто-белые птицы, в прошлом составляющие до 75 % популяции. Именно такие кречеты в станах арабского мира и представляют самую главную ценность.

Кречет (наиболее распространенная окраска)

Несмотря на то что в последние годы численность кречета в целом по региону заметно сократилась (по некоторым неопубликованным данным в десятки раз!), она все еще относительно высока. На самом полуострове Камчатка, по официальным данным (Красная книга РФ, 2001), она составляет 150—200 гнездовых пар. С учетом птиц, обитающих в Корьях, в Магаданской области и на Пенжинском хребте, общую численность подвида можно с известной осторожностью (экспертно) определить в 250—300 гнездовых пар. Вызывает серьезное беспокойство то обстоятельство, что общее число белых птиц, видимо в связи с выборочным незаконным отловом, заметно сократилось и в настоящее время не превышает 11 % от численности популяции (Е. Лобков, устн. сообщ.). Это очень тревожный симптом, который свидетельствует о серьезной перестройке и деградации генетической структуры подвида. А разрушение исторически сложившейся генетической, экологической и социальной структуры популяции влечет за собой, как правило, и другие сдвиги в популяционной структуре и с неизбежностью приводит к обвалному краху популяции в целом. Это свидетельствует, что в самое короткое время камчатский кречет, особенно в регионе Северо-Восточной Сибири и Камчатки, станет (или уже стал) подвидом, находящимся под угрозой исчезновения. Отсюда до реального исчезновения его лишь один шаг. Это вызывает особое беспокойство и требует незамедлительного вмешательства!

Центральное стратегическое направление комплекса мер по сохранению камчатского кречета составляет сочетание работы, направленной на прекращение или предотвращение нелегального отлова и вывоза кречета, с деятельностью, направленной на искусственное повышение численности и восстановление его популяций в пределах ареала подвида на основе вольерного разведения.

Нелегальный отлов взрослых кречетов и вывоз их за рубеж стал практиковаться с начала 1990-х годов. Первоначально этот «бизнес» осуществлялся приезжими «гастролерами», преимущественно выходцами из стран арабского мира, и вывоз носил случайный характер. В последние годы, однако, он принял массовый характер, и сложились отчетливые криминальные группировки, куда вовлечены отдельные служащие аэропортов, сотрудники правоохранительных органов, охотнадзора и других служб, так или иначе связанных с контролем и транспортом. Есть у браконьеров связи и с местными жителями, которых толкает на преступление элементарная нищета. Методы вывоза соколов поразительно разнообразны и говорят о незаурядной изобретательности браконьеров. Следует отметить, что гибель кречетов при транспортировке значительна. А поскольку конечная

цель браконьеров — прибыль, им необходима компенсация потерь, что осуществляется за счет дополнительного нелегального отлова птиц в природе. Вместе с тем единственный путь для вывоза кречетов связан с аэропортом, и в принципе он может быть надежно заблокирован совместными действиями административных и природоохранных органов. В соответствии с законодательством, это их прямая обязанность, как и контроль за дальнейшей судьбой конфискованных или задержанных птиц. Долг общественных организаций — корректировать деятельность властей. Представляется целесообразным также привлечение к работе природоохранной молодежи и создание добровольных патрулей или дружин, которые помогут заранее выявить потенциальных контрабандистов еще на территории аэропорта. Очень важно привлекать к проблеме незаконного вывоза кречетов средства массовой информации. Вместе с тем необходимо ориентировать СМИ на просветительские цели, а не на рекламу астрономически баснословных и не соответствующих действительности цен на кречетов, что практикуется журналистами в погоне за сенсациями. Такая информация поддерживает браконьерство и приносит ощутимый вред.

Второе стратегическое направление борьбы за сохранение камчатского кречета — создание легальных питомников для разведения его в вольерных условиях. Интенсивная работа таких питомников поможет создать резерв птиц для интродукции в природу, пополнения естественной популяции и ее восстановления. С другой стороны — это путь к удовлетворению запросов сокольников, в том числе и зарубежных. Методика вольерного разведения кречета и выращивания птенцов достаточно полно разработана и успешно используется в Европе и в Североамериканском континенте. Именно таким методом была восстановлена практически исчезнувшая популяция сапсана в восточной половине США, что позволило исключить этот вид из Красной книги США. Это, однако, потребовало выпуска в природу 9,4 тысячи выращенных в вольерах сапсанов, создания нескольких питомников и около 10 лет напряженной работы. Для восстановления кречета потребуется меньше времени и средств, так как численность его хота и подоплана, но еще не на нуле. Есть в России и питомники, имеющие значительный опыт работы, и квалифицированные специалисты в области разведения соколов, есть и опыт реинтродукции их в природу. Есть, конечно, и желание работать. Но, несомненно, нужна значительная поддержка как со стороны государственных органов по охране природы и животного мира, так и со стороны общественных природоохранных организаций.

Фото Р. Дормидонтова

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Круковер В. **Избранные 600 практических советов**. Сезонная охота. М.: ТИД КОНТИНЕНТ — Пресс, 2003. — 10 000 экз. 432 с.

Книга составлена в форме советов и отвечает на все вопросы, которые могут возникнуть у начинающих охотников: общие правила и сроки охоты, порядок приобретения и регистрации оружия, ограничения весенней охоты, охотничья добыча и приемы разделки тушек, сравнительная характеристика охотничьих ружей и уход за ними, навыки стрельбы без промаха.

Охота на пернатую дичь (Сост. Н. И. Сазонов). Йошкар-Ола, Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 2003. — 491 с.

В основе книги лежат исследования ученого-охотоведа В. Е. Германа. Он знакомит с некоторыми биологическими особенностями многочисленной пернатой дичи, обитающей в СНГ, рассказывает о способах охоты на разные виды птиц. Включены разделы об оружии и боеприпасах, о снаряжении патронов, об охотничьих собаках, о таксидермии птиц, о защите животного мира в связи с ухудшением экологии: публикуется перечень пернатых из Красной книги России, даны рекомендации по фотоохоте.

Оберлендер Г. **Дрессировка и натаска охотничьих собак** (поле, лес, водоем). — М.: Аквариум; К.: ФГУИПВ, 2003. — 5000 экз. 160 с., ил.

Искусству подготовки охотничьей собаки к действиям в поле, в лесу, на открытых и закрытых водоемах посвящена эта книга, написанная выдающимся практиком ружейной охоты. Приемы, способы, системы воспитания собаки, рекомендуемые им, — результат более чем 30-летнего опыта известного дрессировщика, принципы которого вошли в уставы многих охотничьих обществ и клубов.

Применяя советы Г. Оберлендера с учетом характера и нрава вашей собаки, вы быстро и квалифицированно подготовите ее к активной работе под ружьем в разных природных и климатических условиях.

Руденко Ф. А., Семашко В. Ю. **Оружие и боеприпасы**. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. — 30 000 экз. 255 с.

Книга посвящается охотничьему отечественному оружию. В ней описано более 200 наименований распространенных у нас в стране моделей гладкоствольного и нарезного оружия. Отдельный раздел посвящен боеприпасам.

Справочник ветеринарного терапевта. 3-е изд., стер. СПб.: Издательство «Лань», 2003. — 5000 экз. 384 с.

В справочнике приводятся сведения по внутренним болезням животных. Этиология и патогенез в кратком изложении; остальные аспекты рассматриваемых болезней описаны более подробно.

НА МЕДВЕДЯ ОБЛАВОЙ

Зверь добыт

Способов спортивной охоты на медведя шесть: охота облавой, охота на берлоге, на прозеленках, из засидки, с подхода и с лайками. Первая из них была особенно распространена в прошлом, когда в любой деревне охотники за умеренную мзду могли найти сколько угодно загонщиков, а вернее, кричан, людей, которых расставляли по периферии оклада, чтобы они криком, стуком, ударами в пустые ведра и иным шумом пугали поднятого из берлоги зверя, заставляя его идти из берлоги в сторону стрелков. Сейчас облавы проводятся редко именно потому, что в наших полуопустевших деревнях собрать достаточное для них количество народа затруднительно. Облава удобна и привлекательна тем, что в ней одновременно может принимать участие практически неограниченное число стрелков, которых в принципе можно расставлять по всей границе оклада или того участка леса, в котором ожидается присутствие зверя. Такими участками на юге обычно являются долины и котловины, заросшие дикими фруктовыми деревьями. В период созревания фруктов туда нередко собирается и остается там на дневку по нескольку медведей. В нашей же средней полосе и на севере облава проводится, как правило, зимой на берложного — лежащего в берлоге зверя. Соответственно все и начинается с обнаружения берлоги. Егерь или просто местный охотник могут наткнуться на берлогу или случайно, или специально по первому снегу пробуют найти медве-

жий след, который и тропят до места, где зверь ляжет. До самой берлоги при этом не доходят, чтобы не потревожить ее обитателя, а протропив след до какого-либо «крепкого» места, последнее обходят кругом (окладывают), и, если выхода нет, — дело считается сделанным. Если берлога найдена или обойдена в самом начале зимы, когда сильных морозов еще не было, то охоту сразу же проводят, давая зверю облежаться и погрузиться в более глубокий сон. При теплой погоде медведь спит чутко, иногда даже не в берлоге, а около нее, и шумом готовящейся охоты его можно стронуть с места, и он уйдет.

В ожидании благоприятной погоды человек, нашедший берлогу, время от времени обходит место, где она располагается, проверяя, не напугал ли кто-либо медведя и не вышел ли тот из оклада. Тем временем подбирается или приглашается компания охотников, собираемая нужное количество кричан и в назначенный срок начинается сама охота. При ней в первую очередь за ветром от оклада, но предпочтительно с той стороны, откуда зверь в него вошел, расставляются стрелки. Только после того, как они займут свои места и будут готовы к действию, окладчик заводит кричан, а покончив с этим, один или с товарищем, с собаками или без них, отправляется поднимать зверя. Расставленные по границам оклада люди в это время уже полегоныку начинают покрикивать и постукивать, но особого усердия не проявляют. Шу-

меть в полную силу им следует в тех случаях, когда они заметят идущего в их сторону медведя. Когда все складывается благополучно, последний рано или поздно выходит на стрелков.

Не помню, кто из знаменитых медвежатников прошлого писал, что убить медведя легко — нужно подпустить его на пять шагов и стрелять в голову, тому же, у кого не хватает для этого выдержки, давался совет на медвежью охоту лучше не ходить. Однако медведь не всегда дает возможность следовать указанной инструкции, так как вовсе не обязательно катит прямо на охотника. Часто приходится стрелять и поперечно идущего, и угонного зверя, находящегося от нас на расстоянии, значительно превышающем рекомендуемую дистанцию. Но одно бесспорно — стрелять нужно по возможности наверняка, ибо раненый зверь опасен не только для стрелявшего, но и для всех участников охоты. Следует иметь в виду, что те эпитеты, которыми принято характеризовать медведя (неуклюжий, косолапый и т. д.), порождены незнанием этого зверя и тем обманчивым впечатлением, которое он производит, находясь в состоянии покоя. На самом же деле, когда ему это нужно, он очень быстр и ловок. В Сибири говорят, что от медведя на плохом коне не уедешь.

Описанная схема организации облавной охоты на медведя, в зависимости от вкусов ее участников, может в какой-то мере меняться.

НА БЕРЛОГЕ

Охота на берлоге уже не первое столетие сохраняет свою популярность. Прежде чем переходить к ее описанию, нужно несколько слов сказать о том, где медведи предпочитают устраивать свои зимние кельи. В горных районах, изобилующих скалами и всевозможными расщелинами, например на Алтае, берлоги располагаются исключительно в небольших пещерах и углублениях под каменными плитами. Так как мест таких сравнительно немного, медведи часто из года в год ложатся в одних и тех же укрытиях. Поэтому чем больше охотник знает используемых медведями пещер, тем больше у него возможность обнаружить зимой зверя. Охотники бережно хранят тайну их расположения и с посторонними делятся ею крайне неохотно. Там, где естественных пещер нет, медведи выкапывают себе берлоги в грунте, обычно на косогоре (чтобы при оттепелях туда не стекала вода) и очень часто под корнями какого-нибудь крупного дерева. Однако многие звери, то ли не желая

себя утруждать, то ли не успев заблаговременно устроить себе зимнее жилище, ложатся прямо на поверхности, забираясь под выворотень, поваленное дерево, завал бурелома, а то и просто в куртину густейшего ельника. То, как расположена берлога, для охоты исключительно важно, так как из подземного убежища зверь может выбраться только через ведущий в него лаз, а из наземного гнезда — броситься практически в любую сторону.

Охотник редко находит берлогу, будучи немедленно готов к добыче зверя, да и не всегда склонен заниматься этим в одиночку. Поэтому если зверя он не потревожил, то чаще всего предпочитает уйти с тем, чтобы потом с подходящим оружием и пулевыми патронами, а то и пригласив других охотников, вернуться и приступить к охоте. Нужно сказать, что участие в последней большого числа стрелков очень нежелательно и даже опасно. Когда на ограниченном пространстве вокруг берлоги собирается 5—6 возбужденных, готовых пустить в ход ружья людей, когда каждый из них в глубине души мечтает отличиться и первым сразить зверя — возможных неприятностей избежать трудно. Самый лучший вариант, когда охотников двое или трое.

Подойдя к месту, где отлеживается «лесной хозяин» (что следует всегда

делать, соблюдая тишину, и если есть лайки, то удерживая их на привязи), охотники, в зависимости от того, где и как располагается берлога, приступают к действиям. Если берлога земляная, один или два стрелка сразу же занимают позицию в 5—10 шагах возле лаза, а один, спустив с поводков собак, присоединяется к ним. Когда же собак нет, то в его обязанности входит подъем зверя. Иногда для этого достаточно бывает просто пошуметь или, стоя над челом берлоги, ткнуть туда какой-нибудь жердью. Иногда же зверь лежит так плотно, что приходится приложить порядочно усилий, чтобы заставить его покинуть убежище. Многие, особенно промысловые охотники, земляную берлогу часто «заламывают», — загораживают выход из нее всунутой туда, обязательно вперед вершиной, сукастой разлапистой елкой или толстой жердью, один конец которой втыкается в чело берлоги, а другой отгибается через противоположный край чела и сыромятным ремнем или крепкой веревкой привязывается к какому-либо близко стоящему дереву. Жердь для залама выбирается прочная, не меньше чем в руку толщиной и длиной 4—5 м. Из загороженного таким образом лаза медведь не может выскочить быстро — ему приходится пролезать, преодолевая преграду, что безусловно облегчает верный выстрел, кладущий

его на месте. Много сложнее, если зверь лежит в верховом гнезде. Тут обычно совершенно невозможно угадать, куда, в какую сторону он выскочит, а значит, и где нужно встать, чтобы по нему удалось стрелять. Обзор в местах расположения берлог, как правило, ограничен, иногда это вообще сплошная чаща и заваленный снегом бурелом, к которому приходится как-то принаравливаться. Задержать выход зверя невозможно, и, если его не держат собаки, он чаще всего одним прыжком покидает свое убежище и пускается в бег. Бывает, что проделывает он это настолько быстро и скрытно, что никто из охотников не успевает даже его заметить, — затрещало, посыпалась с веток кучта — и медведя уже нет. Чтобы избежать такого конфуза, стрелкам в очень крепких, не просматривающихся зарослях не нужно стараться подойти к берлоге как можно ближе. Им целесообразнее с разных сторон от нее занять просто удаленные на 15—20 шагов, но более или менее просматривающиеся полянки или прогалины или хотя бы просветы в чаще, где можно будет увидеть зверя. При стрельбе здесь приходится соблюдать особую осторожность, чтобы не пустить пулю в сторону товарища. Если медведь бывает убит, то, понятно, все этим и кончается, однако если он уходит, и притом не раненный, то с ним

Чтобы поднять зверя, иногда достаточно бывает ткнуть в чело берлоги жердью

чаще всего приходится распроститься или, по крайней мере, отложить встречу на несколько дней, пока зверя не удастся обойти снова. Помочь делу может только наличие хорошо работающих по медведю лаек — тех из них, которые не только издали его облаивают, но и не дают ему хода чувствительными хватками за наиболее уязвимые части тела. Когда такие собаки есть — охотники сразу же переходят к преследованию зверя, на чем я остановлюсь несколько позже. Сейчас же коснусь случая, когда зверь уходит раненый. Его преследование должно проводиться без всяких проволочек: зима время ненадежное, и внезапно начавшийся снегопад может закрыть следы. Медведь будет потерян и либо издохнет где-либо от полученной раны, либо какое-то время будет перемогаться, представляя собой реальную угрозу здоровью и жизни случайно столкнувшихся с ним людей. Раненый зверь почти всегда агрессивен. Однако поспешность тропления подранка должна сочетаться с предельной осторожностью. Тропить следует вдвоем, держась справа и слева от следа и обходя с двух сторон любую куртину густой растительности, завал бурелома или нагромождения камней, где преследуемый зверь может затаиться и поджидать своих недругов. Пренебрегать этим правилом и идти напрямую следом неразумно — медведь умеет прятаться и нападать так быстро, что можно не успеть выстрелить. Установив обходом, что зверь задержался в какой-нибудь непролазине, нужно стараться его высмотреть или дожидаться, когда, не выдержав близкого присутствия людей, он себя обнаружит, и добить подранка. Все вышесказанное относится к случаям, когда медведь ранен достаточно (тяжело идет, с трудом, оставляет на снегу много крови). Слегка задетого пулями медведя преследовать без собак смысла нет.

Теперь вернемся к ситуации, когда невредимый или раненый медведь ушел, преследуемый собаками, то есть к охоте «вдогонку». По-моему, из всех существующих охот — эта самая азартная. Из-под злобной смелой лайки, а тем более если таких лаек две, медведь быстро идти не может — собаки своими наскоками не дают ему хода. Значит, охотник, бегущий следом, все время слышит лай и рычание собак, рывканье медведя, словом, все звуковое сопровождение драки. Понятное стремление как можно скорее прибыть на место действия, необходимость преодолевать труднопроходимые места, путающиеся в ногах и хлещущие по лицу ветки — все это доводит наше возбуждение до высших пределов. Ближе, ближе... мы уже не ломимся напрямую, а крадемся от дерева к дереву, боясь подшуметь зверя и заставить его снова пуститься наутек, и, если повезет, — выстрел, как последнее слово в долгом споре.

Фото А. Дигилевича

Справедливости ради следует отметить, что за последнее время в разрозненной системе органов МВД происходят определенные перемены, облегчающие положение владельцев охотничьего оружия. Во всяком случае, в столице нашей Родины городе Москве процедура регистрации и перерегистрации гладкоствольного и нарезного оружия происходит достаточно оперативно, без длительного выстаивания в очередях.

Вместе с тем в редакцию продолжают поступать из различных, порой весьма отдаленных от столицы мест, жалобы охотников, столкнувшихся с бюрократизмом и несправедливостью чиновников.

Житель села Араканы Унцукульского района Дагестана Курамагомедов К. А. приобрел в 1999 году охотничье гладкоствольное ружье, зарегистрировал его в установленном порядке и получил разрешение на хранение и ношение сроком на пять лет. При этом, пишет автор, в связи с напряженной криминальной обстановкой, активизировавшейся деятельностью вахабитов, приобретение оружия законопослушными гражданами всемерно поощряется правительством Республики. С указанным ружьем он выехал за 200 километров от дома на полевой стан и жил в кошаре.

Спустя два года сотрудником милиции ружье у него было изъято якобы для проверки. Однако до сего времени не возвращено (прошло уже два года). На все его обращения должностные лица отвечают пустыми обещаниями в скором времени вернуть оружие.

В заключение письма автор просит редакцию посодействовать в восстановлении справедливости. К сожалению, в письме не указаны фамилии должностных лиц и учреждения МВД, куда обращался автор. Если обстоятельства, изложенные в письме, соответствуют действительности, то налицо самоуправство должностных лиц.

Уважаемый Курмагомед Абдурахманович! Могу лишь порекомендовать Вам обратиться с жалобой в вышестоящий орган МВД или же непосредственно в органы прокуратуры, или с иском в суд.

По мнению члена общества охотников из гор. Череповца Баранова Н. Н., законодатель вопреки положению п. 3, ст. 35 Конституции РФ, устанавливающей положение, при котором никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, в отношении охотничьего оружия установил иной порядок, при котором оно может быть изъято без такового решения «по многочисленным основаниям различными внесудебными органами». По этому поводу автор спрашивает, «соответствует или не соответствует Конституции РФ существующий порядок лишения граждан оружия».

Уважаемый Николай Николаевич, действительно в соответствии со ст.ст.

В. Темеров, Заслуженный юрист РФ, Почетный член военно-охотничьего общества

26, 27 ФЗ «Об оружии» у собственника оружия при определенных условиях оно может быть изъято. Однако нарушения Конституции в данном случае не имеются.

Поскольку оружие является источником повышенной опасности, законодатель установил определенные правила владения, хранения и ношения оружия. В случае, если лицом нарушаются эти правила, органы МВД не только имеют право изъять оружие, но и обязаны это сделать. Однако при аннулировании разрешения или изъятии оружия лицо не лишается права собственности. Ему лишь предписывается распорядиться дальнейшей судьбой оружия — реализовать его через комиссионный магазин; подыскать покупателя самостоятельно и оформить продажу по согласованию с разрешительной системой; или же привести оружие в негодное для стрельбы состояние (просверлить казенную часть) и хранить дома.

Из Нижнего Новгорода пришло письмо от Борисова А. Н., в котором он описывает свою многолетнюю службу в армии, рассказывает о взаимоотношениях с начальством, которое не всегда ему нравилось, и предполагает, что в результате козней его бывших недругов участковым уполномоченным были изъяты принадлежащие ему шесть ружей. Причем участковый обещал ему их реализовать и возратить деньги, но передал лишь три тысячи рублей. В заключение автор просит оказать ему содействие в решении этой проблемы.

Уважаемый Анатолий Николаевич! Из Вашего письма и приложенных документов видно, что в связи с состоянием здоровья, преклонным возрастом и истечением срока разрешений Вы добровольно решили передать в органы милиции ружья для их реализации. Об

Консультации юриста Темерова

этом свидетельствует запись в акте изъятия оружия, подтвержденная Вашей подписью и подписью Вашей жены.

В дальнейшем исполняющий обязанности начальника Автозаводского РУВД полковник милиции В. П. Пронин письменно уведомил Вас, что ружья находятся в дежурной части РУВД, и подробно разъясняет порядок их реализации. Дело остается за Вами, примите одно из предложенных Вам решений, и проблема будет исчерпана.

Возникает у охотников ряд вопросов, связанных с регистрацией и применением на охоте малокалиберного и нарезного оружия.

Житель г. Железногорска Красноярского края Солоненкин Г. А., ссылаясь на правила охоты, утверждает, что использование малокалиберного оружия под патрон бокового огня для мобильной охоты на территории России запрещено. В то же время, пишет автор, органы МВД дают разрешение на хранение и ношение указанного оружия.

Прежде всего следует иметь в виду, что само по себе право приобрести указанное оружие еще не порождает права на охоту. Действительно, согласно Типовым правилам охоты в Российской Федерации, применение указанного оружия в целях любительской охоты, а также спортивных целей запрещено, за исключением промысловой охоты. При этом попутно разрешено охотиться с этим оружием на зайца и боровую дичь.

К сожалению, на местах подчас допускаются отступления от общих правил. По имеющимся данным, использование малокалиберного оружия под патрон бокового огня разрешено в Приморском крае.

Из далекого таежного края, гор. Абаза Республики Хакасия, пишет охотник Ошлаков А. П. В 1988 г., следуя с товарищем на моторной лодке по быстрой и порожистой горной реке Абакан, они наткнулись на топляк, отчего лодка перевернулась,

и все их имущество, в том числе и ружье, утонуло. Несмотря на все усилия, обнаружить ружье не удалось. Об этом случае он в тот же день сообщил председателю охотколлектива и участковому уполномоченному, написав обоим объяснительные записки.

Спустя семь лет, пишет автор, он купил новое гладкоствольное ружье, а еще через три года решил приобрести нарезной карабин. Однако в органах милиции ему отказали, полагая, что у него отсутствует необходимый пятилетний срок владения гладкоствольным оружием. Между тем, далее рассказывает автор, первым ружьем он владел два года и с учетом владения новым у него имеется пятилетний стаж.

В данном случае, Алексей Павлович, ваше дело правое! На образование пятилетнего стажа не влияет имевший место разрыв во времени владения оружием. По этому поводу мы уже писали в январском номере за 2003 год.

Важно лишь убедить работников милиции в правдивости Ваших доводов. При внимательном и добросовестном отношении к Вам сотрудников милиции это не должно составить труда. Необходимо использовать имеющиеся документы — охотбилет и др., свидетельские показания и т. п.

В случае отказа необходимо обжаловать это решение в вышестоящую милиционную инстанцию.

Петр Сильдушкин, последние 30 лет до выхода на пенсию работавший штатным охотником и, как пишет автор, «...вроде все охотзаконы знающий...» и составивший множество протоколов на браконьеров, был озадачен случаем, свидетелем которого стал он сам.

В июле 2003 года на территории Сурковского заказника он застал «начальника госохотинспекции Марий-Эл, шофера и егера заказника. Из машины стреляли в сидячего в 60 метрах у норы сурка...». Причем стрелял непосредственно сам начальник. По мнению автора, стрельба дробовым зарядом на таком расстоянии недопустима, поскольку может породить

только подранков. Сурок после выстрела скрылся в норке. Кроме того, стрельба велась непосредственно из машины, что строго запрещено.

По этому поводу, пишет далее автор, он написал заметку в районную газету и обратился с заявлением к районному охотоведу. Согласно ответу охотоведа в районную газету, в данном случае имела место не любительская охота, а выполнение задания на отстрел двух сурков для их проверки на заболевание. По мнению охотоведа, добывать сурков дозволено любыми методами. Однако автор с таким мнением не согласен и задает риторический вопрос: «неужели законы писаны только для нас, простых смертных?»

Уважаемый Петр Иванович, полностью с Вами согласен в отношении недопустимости подобного метода выполнения задания по отстрелу указанных сурков. Независимо от целей отстрела, соблюдения правил безопасности на охоте обязательны. Стрельба из машин строго запрещена и отстрел должен вестись на оптимальном расстоянии от дичи, обеспечивающем ее безусловное поражение.

Рожнов В. С., ушедший на пенсию из органов МВД в 48 лет, недоумевает, почему в охотобществе требуют от него уплаты 100 % членских взносов, тогда как с других пенсионеров взимают только 80 %. Как пишет автор, в охотобществе ему разъяснили, что данная льгота распространяется на лиц, достигших установленного в государстве пенсионного возраста. На Камчатке, где проживает автор, для мужчин пенсионный возраст — 55 лет.

Уважаемый тов. Рожнов В. С., государство не вмешивается в деятельность общественных организаций, которые самостоятельно устанавливают для своих членов различного рода льготы и привилегии. Если в Вашем охотобществе установлены льготы лишь по достижении возрастного ценза для выхода на общегражданскую пенсию, то с Вас правильно взимают членские взносы в полном объеме.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22
E-mail: chief@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Во Владимирской области

Председатель Владимирского ООИР Виктор Владимирович Рыбаков

Трудные времена переживает общественное охотничье хозяйство в разных регионах России. В некоторых районах оно совершенно разрушено. Поэтому нам приятно рассказать о делах охотничьих во Владимирской области, где между руководителями охотничьего общества, охотуправления и местной власти существует доброе взаимопонимание.

На слабосхолмленной земле Владимирской области много, к сожалению,

зарастающих полей. Как и во всей Центральной России, здесь господствуют смешанные разновозрастные леса с преобладанием березы, ели, осины, хотя в Селивановском, Муромском, Вязниковском районах есть сосновые боры. Славятся владимирские леса урожаями грибов и ягод. Много травяных и моховых болот. Протекают по области неширокие и тихие реки: Клязьма, Нерль, Киржач, Колокша, Лух, Пекша... Преимущественно мелководные с обильной растительностью залитые озера и заполненные водой старые торфяные разработки богаты защитными и гнездовыми местами для водоплавающих и околоводных птиц.

В состав Владимирского общества охотников и рыболовов, которое возглавляет председатель общества Виктор Владимирович Рыбаков (его заместитель — Сергей Васильевич Майоров, охотовед — Владимир Иванович Крюков), входят: Владимирское, Давыдовское, Гороховецкое, Ковровское, Александровское, Кержачское, Кольчугинское, Камешковское, Муромское, Петушинское, Селивановское, Собинское, Суздальское, Судогодское и Юрьев-Польское охотничьи хозяйства. Есть и еще одно Суздальское хозяйство, но оно является опытным гослесохотничьим и подчиняется непосредственно Департаменту по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов.

На территории общества охотников, по последним учетным данным, обитает: 810 лосей, 990 кабанов, примерно 130 европейских оленей, более 60 пятнистых оленей, немногим более десятка косуль, примерно 10 тыс. зайцев-беляков и 1300 русаков, 12 тыс. белок, более 200 енотовидных собак, около 1800 куниц, более двух тысяч лисиц, 4,5 тыс. глухарей, около 9 тыс. тетеревов и примерно 7 тыс. рябчи-

Охотовед Владимир Иванович Крюков

Запасы зерноотходов для подкормок

ков, около 28 тыс. гнездящихся в области водоплавающих.

Добыча охотников, по данным 2002 года, составила: 8 лосей, 62 кабана, 45 европейских оленей, 210 лисиц, 19 норок, 852 ондатры, 21 енотовидную собаку, 7 куниц, 2096 зайцев-беляков и 42 русака, 3 бобра, 759 белок, 22 глухаря, 321 тетерева, 1364 рябчика, 5694 водоплавающих птиц. Выловлено 1255 центнеров рыбы. Волков в области очень мало, но охота на них организована хорошо, и зимой 2001/02 г. добыто 3 серых хищника. Если учесть, что в обществе охотников с правом охоты состоит 13 580 человек, получится, что практически на каждого охотника приходится та или иная добыча или часть ее, если добывается крупный зверь. И это при том, что в последние годы число охотников осталось прежним, а площадь угодий сократилась вдвое.

Годовые членские взносы охотников составляют 150 руб. Заработная плата работников охотничьего хозяйства от 1,5 до 3 тыс. рублей. Каждое охотничье хозяйство имеет базу для отдыха охотников; 5 баз на уровне гостиниц со всеми удобствами.

Активно работают охотники по биотехнии: 73 га занимают кормовые поля и подкормочные площадки, установлено 11 тыс. солонцов, 3 тыс. искусственных гнезд, устроено более 10 тыс. галечников и порхалищ.

Благоприятная обстановка в обществе охотников способствует развитию собаководства. Всего на учете в обществе состоит 1900 охотничьих собак, из них 590 лаек, 514 гончих, 236 легавых и столько же норных, 192 спаниеля и 5 борзых. Последних так мало потому, что большинство угодий представлено лесами.

Судя по письмам, читателей нашего журнала более всего интересует информация о природе, охоте и работе обществ охотников в разных регионах России. Пишите нам об этом из вашей области, вашего района, из охотничьего хозяйства.

Старший егерь Давыдовского охотничьего хозяйства Оксеев Александр Александрович

У охотничьей базы

Рассказали о работе Владимирского общества охотников и рыболовов после беседы с его председателем В. В. Рыбаковым и охотоведом В. И. Крюковым

Р. ДОРМИДОНТОВ и В. ЖИВОТЧЕНКО

Фото В. Животченко

Угодья в долине Клязьмы

В защиту прав и свобод охотника

За что платим?

Уважаемая редакция, здравствуйте! Мне как охотнику-любителю с большим стажем хотелось бы поговорить о сегодняшней охоте в Ставропольском крае Благодарненского района. Наш район расположен в восточной стороне от Ставрополя, растительностью и водными ресурсами не богат. В нашей зоне распространены акация, вяз и некоторые кустарники в основном за счет лесопосадок, в которых проживают заяц, лисица, иногда встречаются волки.

Фауна, как видите, не богата, зато хозяев здесь развелось много. Это и краевое общество охотников, и Департамент, которые в последнее время ведут ожесточенную борьбу за власть, обвиняя друг друга в неправомерном ведении охотничьего хозяйства. Вот только заниматься охраной природы никто из них не хочет.

И на собраниях коллективов, и в газетных публикациях рядовые охотники не раз выражали свое недовольство и недоверие местным чиновникам. Браконьеры бесчинствуют, зайцев стреляют из-под фар. На полях были посажены озимые, так вот только на одном поле в 100 га насчитали до 40 различных следов машин и мотоциклов.

Наши охотники возмущены тем, что вопросы охраны здесь вообще никого не интересуют. Они готовы сами защищать наших меньших братьев, но у них нет никаких прав, да и транспорта тоже нет.

Не лучше обстоят дела с водными ресурсами. В районе нет больших рек, а те, что есть, не глубоководны. Но здесь гнездятся лысухи, утки, кулики, чибисы — им тоже не сладко живется. На осеннем открытии охоты, как говорится, охотников бывает больше, чем дичи. Через две недели птиц уже не увидишь.

И вот в связи с вышеизложенным у нас — охотников — возникает вопрос, с чего в нашем районе складываются такие фантастические цены. И Департамент, и общество охотников на лицензионные виды зверей и птиц берут большие деньги. Департамент — 100 рублей, общество охотников — 70. Для людей, проживающих в сельской местности, это дорого. Ветераны ВОВ, не имеющие льгот на путевки и лицензии, задаются вопросом, как жить дальше.

Возвращаясь к водным ресурсам, должен заметить, что нам не понятно, в чьем ведении они находятся. Начальники как местного уровня, так и районного на этот вопрос не отвечают. Сегодня водоемы все чаще оказываются у новых русских и сдаются в аренду, которая нам, простым охотникам, совершенно недоступна.

И. МАТЮКИН
Ставропольский кр.

Охоту сорвали чиновники

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Обращаюсь к вам простые охотники, настоящие любители природы из г. Острогожска Воронежской области. Это письмо — не жалоба, не клевета, а обращение к старшему и более опытному товарищу по охоте. Дело в том, что в 2003 году пришла большая вода, за многие годы был настоящий разлив нашей реки Тихая Сосна, и все охотники-любители ждали разрешения на право охоты с подсадной уткой и на вальдшнепа.

Областные чиновники у себя в кабинетах решили все очень просто: открыли охоту на вальдшнепа в трех районах области, куда сами могут съездить, а нам предложили охоту на гуся и на селезня с подсадной и профилями в полях, закрыв все водоемы и разрешив щедро добывать по 10 гусей в сутки.

Вы, как настоящие охотники, знаете, что охота состоит из многих составляющих. Прежде всего это подготовка к охоте, проверка оружия, снаряжения; получение разрешения на право охоты, где обычно встречаются охотники, вспоминают прошлые поездки, планируют новые; выезд на открытие охоты, когда и молодые охотники и ветераны собираются в определенном месте и отправляются на место охоты; прибытие на место охоты, разведение костра, приготовление пищи; охота на вальдшнепа, которая длится 15—20 минут.

Для многих из нас самым большим трофеем является запас бодрости и хорошего настроения до следующего открытия охоты. Вот всего этого и лишили нас областные охотничьи чиновники. В душе остался неприятный осадок оттого, что вечернюю зорьку провели не в шалаше в ожидании селезня или на вырубке, ожидая долгожданного мига удачи...

Уважаемая редакция! Придет сезон зимней охоты, и нам не хотелось бы сидеть где-нибудь в поле с профилем гуся или чучелом утки в ожидании пролета северной птицы. В кабинетах областного охотничьего общества чиновники, конечно, «лучше знают», что нужно рядовому охотнику. Но ведь есть же председатели районных обществ, которые высказывали свое мнение и мнение охотников на местах, но к их голосу не особо прислушиваются.

Все больше сокращаются сроки охоты, закрываются угодья. Создается впечатление, что любым способом пытаются уменьшить количество членов общества охотников и рыболовов. Неужели и в других регионах нашей страны такие же порядки, как в нашей Воронежской области. Откликнитесь, дорогие друзья-охотники!

43 подписи
г. Острогожск Воронежской обл.,
Р000ИР

Везу щенка, плячу за слона

Здравствуйтесь, уважаемые работники журнала! В очередной раз взялся за перо, чтобы через журнал рассказать всем о трудностях нашей охотничьей жизни.

Суть в следующем. У меня есть западно-сибирская лайка по кличке Пыж, от роду 1,5 месяца. Я перевозил ее на поезде № 178, формирование которого в г. Казани. В вагон № 12 меня беспрепятственно пропустила женщина — дежурный проводник. Но вскоре с меня стали требовать уплатить 100 рублей за провоз собаки. Пишу «стали», так как к этому делу подключился начальник поезда. Мой ответ был отрицательным. В г. Тобольске по моей инициативе был вызван наряд милиции. Надо признаться, я был поражен, что работники милиции решили заступиться за меня, за что им большое спасибо! Видно, не перевелись еще грамотные и порядочные милиционеры. Тем не менее с меня все же требовали 53 рубля 13 копеек, поскольку вес собаки работники поезда определили в 20 кг.

Этот щенок не весит и трех килограммов

Хочу предупредить охотников, не дай вам бог вести в этом поезде действительно крупную собаку — денег возьмут как за слона. И дело ведь не в 53 или 100 рублях, я готов платить, если это положено, но по закону, согласно тарифу, а не так, как этого хочет проводник. Вездь если так будет продолжаться, то охотники — люди не богатые, просто перестанут возить своих собак, а то и вовсе откажутся от них.

Высылаю вам фотографию, чтобы вы собственными глазами увидели этого 20-килограммового пса.

В. ФОМИН,
охотовед-зверовод
г. Тюмень

В защиту прав потребителя

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.
Конституция Российской Федерации.
Статья 2

Прекратите гнать халтуру!

Здравствуйтесь, сотрудники редакции! Написать вам меня заставила публикация в вашем журнале (№ 12 за 1998 г.) письма охотника из Новороссийска Б. Тишкина. Скажу честно, я не являюсь вашим подписчиком, но регулярно беру журнал у знакомых и читаю его с удовольствием. Со мной приключилась подобная история. Я захотел купить себе еще одно ружье, на этот раз самозарядное. И мой выбор пал на ТОЗ-87. В апреле прошлого года я стал обладателем ружья ТОЗ-87-01М за номером 005756. Оно оказалось отвратительно обработано, и охотиться с ним было невозможно. Било оно хорошо, но отказывалось подавать патроны или, что странно, подавало сразу по два.

Судя по номеру, ружье Б. Тишкина выпущено в 1996 г., мое же — в 2000 г. Так неужели за эти годы на ТОЗе так и не сделали соответствующих выводов? Как выпускали брак, так и выпускают! Что же тогда идет на экспорт? Судя по публикациям в разных журналах, наше оружие пользуется за рубежом спросом. Западный покупатель разборчив

и выкладывать свои денежки за брак не станет, а наш все равно купит, потому что не всем по карману такие марки, как «Берета» или «Браунинг».

Намучившись достаточно с этим ружьем, я написал на завод, но прошло уже больше года, а мне так и не ответили. Тогда я позвонил, мне посоветовали позвонить по другому телефону, а кое-где даже, мягко говоря, послали на три буквы. Может, позвонил не вовремя?

Возил я это ружье в ремонт, но мастер не смог ничего сделать. Скажу сразу, претензий ни к мастеру, ни к магазину, в котором я его купил, не имею. В конце концов я, оформив соответствующие документы, отправил его через магазин на завод.

Хочу обратиться к директору ТОЗа и к его коллективу: «Прекратите гнать халтуру! Я плачу за ваши изделия и имею право требовать хорошего их качества!» Пишу именно в ваш журнал, потому что его читают тысячи охотни-

ков. Если мое письмо вы по каким-то причинам не опубликуете, то хотя бы передайте руководству ТОЗа.

А. ПЕТРУШКИН
Тюменская обл.

Дайте информацию!

Уважаемая редакция! Были у меня трудные времена, пришлось отказаться даже от «Рыболова», но от «Охоты и охотничьего хозяйства» — никогда! И так будет всегда! Журнал ваш — мой учитель, советчик и собеседник. Надеюсь, со временем он потолстеет.

Из-за экономии я сменил ТОЗ-34-12 на ТОЗ-34-28. Были насмешки охотников — «детское ружье», «игрушечное ружье». Но я им доказал, что это оружие не хуже 12-го калибра, а в некоторых случаях и лучше. Вот только заряды приходится подбирать опытным путем. В упаковках — никакой информации о 28-м калибре. Почему?

В. САВЧЕНКО
Украина

Новинки оружия

И заключительный вариант ружья модель МР-233ЕС, которая имеет эжекторный механизм и дополнительный ударно-спусковой механизм. Основной механизм универсальный, как в модели МР-233В, а дополнительный односпусковой с изменением последовательности выстрелов.

Все вышеуказанные модификации могут быть выполнены со стволами разной длины и различными патронами. Технические характеристики этих ружей приведены в таблице.

Технические характеристики вариантов ружей модели МР-233

Калибр/длина гильзы	Дульные сужения		Длина ствола, мм				Вес ружья, кг
	Верхний ствол	Нижний ствол	675	710	725	750	
12/76	чок	получок	675	710	725	750	3,6
12/70	чок	получок	675	710	725	750	3,4
16/70	чок	получок			725		3,3
20/76	чок	получок	675	710			3,2
20/70	чок	получок	675	710			3,2
28/70	чок	получок	675	710		760	3,1
32/70	чок	получок	675	710		760	3,1
410/76	чок	получок	675	710		760	3,3

Таким образом, Ижевский механический завод предложил охотникам такое разнообразие исполнения одной модели, которого, пожалуй, не только в России, но и нигде в мире не существует.

М. БЛЮМ

Ижевский механический завод не останавливается на достигнутом и вновь порадовал охотников новым образцом двуствольного ружья с множеством модификаций, сделанных на устоявшейся базе ружья ИЖ-27, которое само по себе является достаточно надежным оружием.

Новый образец **двуствольного ружья МР-233** получил совершенно новое качество, а именно возможность быстро отделять или, скорее, вынимать ударно-спусковой механизм из ствольной коробки. Отделение осуществляется за счет управления защелкой, расположенной в задней части предохранительной скобы, после чего весь блок ударно-спускового механизма с предохранительной скобой и спусковым крючком вынимается движением пальца вниз.

Чем же хорошо такое устройство? Прежде всего, такое ружье рационально брать с собой в любые дальние экспедиции, так как наличие второго быстрозаменяемого ударно-спускового механизма в полевых условиях не допустит владельца ружья остаться безоружным при выходе из строя любой детали этого механизма. Второе, отпадает вообще необходимость прятать ружье в сейф. Достаточно иметь небольшой сейф для хранения только одного ударно-спускового механизма или вообще ружье повесить на ковер, а сам механизм тщательно запрятать подальше от ружья. Единственное условие — потом легко его найти, а то ведь можно и забыть, куда его сунул. Мало того, такая возможность значи-

Двуствольное ружье

МР-233

и его модификации

тельно упрощает уход за ружьем и в любых условиях позволяет тщательно ухаживать за механизмом, чистя его и смазывая.

Любопытна и такая особенность. Если модель МР-233 имеет два автономных спусковых крючка, то ударно-спусковой механизм в модели МР-233А с одним спусковым крючком и позволяет переключать последовательность выстрелов. Можно произвести сначала первый выстрел из верхнего ствола по приближающейся издали утке или гусю. Да и вообще ситуации на охоте могут быть самые различные, когда потребуется первым дальний выстрел из полного чока.

Третий вариант ружья модель МР-233В имеет универсальный механизм с двумя спусковыми крючками, но каждый спусковой крючок работает на оба ствола и в разной последовательности. Первый спусковой крючок позволяет произвести первый выстрел из нижнего ствола, а второй — из верхнего. При нажатии же на задний спусковой крючок происходит все наоборот: первый выстрел из верхнего ствола, а потом из нижнего.

«САМ НА САМ»

И. КЕЦИК

Фото А. Севастьянова

Одна из самых интересных, эмоционально-насыщенных, динамичных, одна из самых захватывающих охот в нашей местности (юг Ростовской области) — охота на лису с подхода. Один на один. Кто кого. «Сам на сам». Жаль только okazия такой охоты выпадает у нас не часто. Объясню почему. Семикакорский район Ростовской области, где мы живем и охотимся, довольно густо населен, с развитой сетью дорог, с многочисленным «охотничьим племенем» (почти поголовно моторизованным, содержащим гончих, норников, лаек, спаниелей и т. д.). Охотников так много, что во время осенне-зимней охоты на зайца-русака каждая мало-мальски подходящая пашня, сад, виноградник прочесываются по 3—4 раза в день разными командами, в разных направлениях. Цепи загонщиков-гайщиков практически постоянно в поле зрения, частенько мешают друг другу. Самое интересное то, что к полудню почти все носят в рюкзаках, ягдташах, а то и просто на ремне законно добытого зайчика, кто-то лисичку.

В такое время охотиться на лису с подхода — «дохлый номер». Кто-нибудь да помешает, это факт. Да и сами лисы, пугаясь обилия людей в угожьях, канонады выстрелов, забиваются в

крепь тростника, норы, другие потаенные места. А вот когда охота на зайца уже закрыта (у нас с января месяца), да еще выпадет снег «по колено», с переметами на дорогах, отсекающими от сокровенных мест «ездунув», вот тогда и наступает эта долгожданная пора (неделя-две, да и то не каждый год).

Техника охоты проста: двигаясь по угожьям, обнаруживаешь зверя (спящего или, что чаще, на ходу), подбираешься к нему на выстрел, возвращаешься домой. Просто? Конечно нет.

Во-первых, необходимо быстро и много ходить, используя естественные прикрития (брустверы насыпей, дамб, лесопосадки и т. д.), совершая порой спринтерские броски, стараясь занять выгодную позицию в случае обнаружения зверя.

Во-вторых, отлично знать, где в данное время года, в данное время суток, в такую погоду может быть лиса. Иначе, побродив в угожьях, где «лисы как грязи», несколько дней, вы ее даже не увидите.

В-третьих, хорошо разбираться в следах...

Нет, не так. Есть и в-четвертых, и в-пятых, и в-шестых...

Лучше расскажу о паре таких охот, а выводы о том, насколько эта охота

сложна, а стало быть, интересна, пусть каждый сделает сам.

Пример первый. 11 февраля 2003 года. Снег. Солнце. Корочка слабого наста. Совсем слабый ветер (это плохо). Безветрие у нас очень редкое явление, а тут... Морозец —9 °С (это тоже плохо: наст «гремит» под ногами). Хорошо охотиться, когда снег рыхлый, пушистый, глушащий шаги. И когда ветерок метров 9—12 в секунду. Иду вдоль лотков (так у нас называют бетонные корыта на опорах, соединенные между собой, чаще приподнятые над землей, иногда лежащие, иногда врытые, заглубленные в нее, образующие рукотворную водную артерию для орошения). В этом участке верхний край корыт — на уровне груди человека. Очень удобно. Меня никто не видит (почти никто) — я вижу все.

Белый маскхалат, под курткой на плечах с «термоском-перекусью», бинокль БПЦ 7х50 (просто необходимая вещь), на поясе — патронташ. Легкая ТОЗ-34ЕР 12 калибра, 1970 года выпуска, из тех «первых», с кнопочным предохранителем, без «флажка» для разборки. Но главное — легонькие лыжи 8 см шириной, с надписью «Нововятск-Лесные». Дай бог здоровья тем, кто их изготовил (и ружьею, и лыжи). Прикладистее, удобнее моей тозовки мне

ружья не попадалось, а «перенячил» я их достаточно, и бой отличный, только попадай. Подарок любимого дяди, брата отца. Он с ним почти не охотился, зато со мной оно и в дождь, и в снег, и в зной уже 19 лет. Лыжи мне достались «в наследство» от пожилого охотника-промысловика, приехавшего с Камчатки. Сколь он там на них ходил — не ведаю, а вот мне они служат восьмой год. И по каким только буеракам-корчевникам, засыпанным снегом, я на них не «летал». Форсировал оросительные каналы и бетонные корыта вырытых в землю лотков, их не снимая. А глубокие «плантажные» пахоты, наполнину занесенные снегом? Гнулись, недозволено пищали-скрипели, но выдерживали. Сегодня эти «дощечки-сорокоходы» несут меня к старой, в августе паханной пашне с пучками соломы, где еще осенью, охотясь «самотопом» на русака, мы две субботы подряд поднимали с лежки светлого лисовина. Наглец подпускал на 130—150 м и по-заячьему, внезапно, «вдруг» возникал на абсолютном ровном, чистом месте. Еще тогда я пообещал куму Владимиру, что добуду этого лиса зимой с подхода (если доживет до снега). Уже 11 часов дня. Обшариваю взглядом окрестности. Прелесть этой охоты еще и в том, что, скрытно передвигаясь, видишь так много интересного, зверей и птиц в их естественной среде, никем не напуганных-встревоженных.

Вот в синеве февральского неба плывет машина. Орлан-белохвост. Этых «краснокнижников» в наших местах собирается зимой около 10—15 штук. Однажды, в 1999 году, я одновременно наблюдал 19 (!) птиц (больше половинны — молодые, с темным хвостом). Причина такого их обилия в зимний период — рыбозаводные пруды, не замерзающий большее время года Донбатушка. Знаю я и четыре их жилых гнезда. Если заинтересуются ученые-орнитологи — могу показать.

Благодаря кратности, диаметру выходного зрачка, светосиле бинокля, виден массивный желтый клюв орлана, широченные «полотенца» крыльев, белоснежный хвост. Красив!

Над клетками скошенного подсолнечника скользят-планируют полевые луны. Бурые самки (они покрупнее) гоняют друг дружку и светлых самцов с черными кончиками крыльев. И здесь конкуренция. Мохноногие канюки-зимняки эпизодически зависают по-пустельжиному на одном месте. И те и другие часто резко планируют, врзаются лапами в снег, взметая снежную пыль. На месте таких падений часто встречаешь потом отпечатки их крыльев, прерванную цепочку мышинных следов, капельки крови... Кушать всем хочется.

Но где же лисы? «Я хотел убить лису, да, видать, я...» Стоп! Вот и лисовин. Ну, силен! Рысит по центру заснежен-

ного белого поля, средь бела дня. Плевал он на орлана. И как же я его раньше не увидел? Ведь уже минут десять иду по периметру этого поля, прикрываясь лотками. Ну и куда же ты, друг, держишь путь?

В четырехстах метрах слева от лесовина шикарный для зверья, брошенный вишневы сад, с частоколом молодой поросли, с непахаными, заросшими междурядьями. Прямо по курсу, в километре — длинная (4 км) полоска камыша-«бамбука» с мощными, неприступными заламами. И этот камыш, и этот сад — излюбленные места дневок лисиц. Без собаки их оттуда не вытуришь. Неужели на камыши держит курс? Забежать ему наперед, прикрываясь лотками, не получится. Он, змей, идет строго против ветра. Вот если бы не было наста, ветерок бы посылней, да лисовин охотился бы, то можно было бы попробовать достать его «на угон». «Если бы у бабушки...» Слух у него отменный, это мне известно по прежним охотам.

Лисовин сел. До него метров 700—800. В бинокль очень эффектно выглядит под ярким полуденным солнцем на белом снегу. Окрас светлый, лимонный какой-то. Старый знакомый. Ну, вот и пересеклись наши стежки-дорожки. Теперь кто кого. Единоборство.

На моей стороне ружье, лыжи, оптика, разум, наконец. На его — слух, обоняние, четыре ноги, гремющий наст и... он на чистом, ровном, как стол, поле. Скажете, силы неравные? Если бы так было, то лисы бы перевелись, всех бы выбили.

Он сидит. Интересно: у него такой вид, будто ему скучно. Посмотрел в одну сторону, другую. Нехотя встал и полпелся, по-другому на скажешь, в сторону сада. Жаль, там мне его не взять. Что ж, не буду терять драгоценного времени, побегу на другое лисье поле. Ух! Замерз, стоя на месте. На эту охоту одеваться нужно легко, иначе потом изойдешь, мотая километры. Пробежал, согреваясь, метров 250. Лыжи легко скользят. Машинально оглянулся на поле. Стоять! А на поле темной точки лисовина нет! До сада он еще не дошел. Локти — на край бетонного лотка (чтобы не «гулял» в руках бинокль). Ты где? Ширина поля зрения БПЦ 7x50 позволяет мне «шарить» биноклем из стороны в сторону. А через неподвижный бинокль скользить взглядом от одной стенки окуляра до другой. Да вот же он! Свернулся калачиком с подветренной стороны едва выступающей межевой бровки, вытаявшей из-под снега. Без бинокля лисовина не отличить от кое-где вытаявших из-под снега комьев земли, пучков соломы.

Что дальше? Слишком слаб сегодня ветер. Теперь, если даже с подветренной стороны подходить, — услышит. Вон как наст гремит под лыжами. Ну

ладно, ты засни, расслабься, а я подумаю. Так, а что если по гребню вытаявшей земли той самой бровки-межи, рядом с которой он и устроился на дневной отдых? Вернулся, снял лыжи, прошел по ней метров 10. Терпимо. Только идти придется очень аккуратно: чуть зацепишь снег — предательский хруст. Подходить придется вполветра, уж так расположена моя путеводная бровка-дорожка. В верхнем стволе — тщательно снаряженный патрон с «нолевой-катанкой» в контейнере. В нижнем — «два ноля» без контейнера. Патроны обязательно снаряжаю сам. Не доверяю заводским, пусть иногда и попадают неплотные партии. Может, заменить верхний патрон на другой, с «тремя нолями»? Уж больно тихо вокруг, не подойти вплотную. Задумано — сделано. До лежки метров 450. Первую сотню метров прошел быстро, стараясь все же ступать на узкую, сантиметров 7, полосу земли. Дальше — тише. Взгляд вниз, куда ставить ногу, взгляд на лисовина, разомлевшего под солнышком. А ведь припекает, даром что начало февраля. Взгляд вниз, взгляд вперед, не поднял ли лис голову, не навострил уши? Нет, ну надо же! За 20 минут лисовин ни разу не поднял голову, не осмотрелся! Так надеется на слух? Нужно быстрее подходить, пока он не надумал.

100 метров, 90, 80. Нервы — струны. Все и вся забыто. Нет никакого другого мира. Только я, и только он. Начинает тихохонько колотить дрожь (кажись: горяч). Да только если не будет вот этих дрожи-азарта, — продам ружье к чертям собачьим. Охота без азарта не охота — просто убийство. Метров 70 осталось, и появилась проблема. Кончилась бровка вытаявшей, мягкой земли! Опять она появляется метра через 4. Дальше идти нельзя. Сто процентов подшумлю, если сделаю хоть шаг. Далековато: 63 метра (потом подсчитал). Усилился бы ветерок! Стою уже минут 5 (так кажется). Стрелять или подходить? Дрыхнет! Хоть бы поднял голову, «разрубил гордиев узел».

Чертик на левом плече горячо шепчет в ухо: «Стреляй, чего медлишь? Сейчас проснется, рванет пулей, а они, лисы, это умеют, и смажешь в горячке! Стреляй же! Стреляй!» И ведь уговорил. В нагрудном кармане «афганки» — деревянный самодельный манок на шнурочке. Мушка давно на основании его шеи. Короткое «пик» манком. Реакции никакой! Да что же это такое? Он что, глухой? Или ветерок все же сносит звуки? Еще раз, чуть громче «пик». Как в замедленном кино: сонно поднял голову, его взгляд скользит по моей фигуре, поднимаясь выше, выше, а его ноги уже давно выстреливают-катапультуют гибкое тело вверх вправо...

Такие мгновения остаются в памяти навсегда. Это уж потом, укладывая пу-

шистого, упитанного двух-трехлетку лисовина в рюкзаке (абсолютно здорового, кстаи), будешь себя корить за малодушие, почему не проэкспериментировал: на сколько же метров он бы тебя подпустил?

И будет еще 3-часовой путь домой, 3-часовое чтение «белой книги», будет еще шикарное зрелище атаки ястребом-тетеревятником (редким у нас) на грача (сбил со второй попытки). Будет еще одна (неудачная) попытка сблизиться с другим лисовином, мышкующим на поле люцерны.

Хорошо возвращаться вот так, зимним морозным вечером, быстро скользя на лыжах, полной грудью вдыхая морозный ядреный воздух (а ноги ноют: «подвез бы кто на машине»).

Второй пример. Конец января 2002 года. Снег лежит уже четвертый день без переносы. Лисы пообвыкли, следов натапали-набегали. Это хорошо. Будут видны места мышковок, результативных охот (а такие места ими обязательно посещаются повторно), «коридоры» переходов между богатыми грызунами участками.

Отпросился у шефа с работы на полчаса раньше. Спасибо, Алексей Михайлович понимает (сам охотник). Впрочем, свою работу я сделал, даже выполнил «норму».

Друг вывозит меня на легковушке за город, километров за 12—15. Обратно вернусь в полной темноте, по дороге охотясь.

Ружейный чехол оставляю в машине.

— Ни пуха, ни пера!

— К черту.

Ну, «вперед марш-марш». Время 14-20. Солнце светит всю. Ветерок метров 10—12 в секунду (то, что надо). Маршрут выбран так, чтобы, возвращаясь домой к городу, я шел против ветра. Идти на ветер не очень приятно, зато никто не слышит, не чует.

Пара километров от трассы, вдоль глубокого дренажного канала — это минут 10—12 хода. А ведь лисичка и здесь ночью все излазила-испытала. Можно бы в сумерках ее «подсидеть», но такую охоту я не очень люблю. Вперед, ноженьки! Через каждые 400 м «шарю» биноклем по окрестностям. Вон, метрах в 70 от меня заячья капароина. Зарылся ушастый в снег с головой. Ты мне сейчас не нужен. Живи до следующей осени. Вон, у дальних сорняков с кустом терна посреди, 7, нет, 8 куропаток кормятся. В пяти метрах от них — курица-фазанка. Больше глаз — раньше обнаружится опасность. Не то. Надо бежать вон к тому острову камыша, диаметром 150—200 м. Рядом с ним непыханые огороды с высохшей ботвой болгарского перца, баклажанов, помидоров. Там летом корейцы выращивали овощи. Естественно, много сорняков. Там — еда для грызунов, а грызуны — еда для лис. Вон, в небе над теми огородами сколько луней и зимняков кружится. Даже одна пустельга зависла, трепеща крыльшками. Чего на юг не улетела? Должна бы. Впрочем, зимы у нас теплые, корма предостаточно,

поэтому зимует очень много луней, сов. Каждую зиму встречаю одиночных сорокопутов. Эти-то уж совсем летние у нас птицы, прилетают в мае. Может, с каким-то дефектом? Но до весны они дотягивали. Отвлекся.

С небольшого бугорка осматриваю участок. Лис нет. Куда дальше? Обойти по периметру вон тот садик, поглядывая в междурядья, или двигаться к дому ближе? Выкуриваю сигарету (дурная привычка, надо бросать). Так вон же он! Мышкует метрах в 50 от края камыша. Я же туда минуты три назад смотрел. Отлично! Минут 10 наблюдаю, как он мышкует. До него метров 300—350. Хорошо, что ветер от него, а то бы он давно меня «засек». Понятненько. Ходит одним и тем же маршрутом в виде восьмерки на участке в 80—90 м. Уходит метров на 50—60 по ветру и чуть влево, разворачивается и, вполветра, вперед вправо. Эпизодически отвлекается метров на 5—7 в сторону, замирает, прыгает высоко вверх, падая всеми четырьмя лапами или двумя передними и мордой в снег. Часто быстро-быстро, снег фонтаном, роет передними лапками. Хорошо. С трехсот метров в бинокль видно — лисовин (не по тестикоулам, конечно же, по размерам, плотному туловищу, массивной башке). Дебелый. И красивый: ярко-красный с пышной «трубой».

Значит, так: сначала, прикрываясь камышом, иду вон к тому бурьяну. Оттуда попробую подобраться к другой куртинке сорняков. Очень удобное поле. Дальше метров 60 чистины. Если миную ее, «прикроюсь» снежным наметом сантиметров 40 высотой, выиграю еще метров 20—30. А там уже...

Вперед. Ветер встречный. Двигаюсь, не особенно таясь, но глаз с лисовина не спускаю. Чуть он остановится, замрет — замираю и я. Увлечен. Не видит и не слышит. Так, теперь тише. Впереди — та самая чистина. «Стадион». Лис сел, осматривается. Ждем-с. Пошел опять. Вот прыгнул, ткнулся в снег, роется. Лучший момент для подхода. «На полусогнутых» быстренько перебегаю до следующего укрытия. Уф! Кажется, успел. Теперь лыжи не нужны, от них больше шума. Он осматривается. Приходится лежать на снегу, стараясь не зачерпнуть стволами снег. Сидит. Уже, кажется, вечность валяюсь тут. Холодно же! Как хорошо, что ветерок приличный! Всего до него метров 80—90! В 15 метрах от меня оросительный канал, в полметра глубины со снежными наметами, поросший по краям бурьянком. Если доберусь незамеченным туда — лисовин мой. До канала можно бы и доползти, но как-то не хочется, наверное, я уже почувствовал, что смогу подобраться.

Еще один бросок, и я сижу в канальчике. Над снежным наметом только мои глаза да белый капюшон. Лис заходит опять «на круг». Вот он скрылся за островком бурьяна. Если не произойдет ничего непредвиденного, из ряда вон выходящего, то через 5—

7 минут лисовин должен показаться из-за травы в 40 м от меня.

Что-то долго он не показывается. Так хочется привстать, посмотреть, что он там за травой делает, где он там? Всякое ведь случилось...

Того, очень красивого, вишневого окраса лисовина, шкура которого служит теперь воротником шубки моей жены, я «пас» 4 дня. Несколько раз он был на волосок от смерти. И постоянно что-то его спасало.

Первый раз я увидел его с вершины степного кургана. После 15—20-минутного наблюдения выяснился его маршрут: идет к воздухоранилищу. Ветер — почти боковой, сильный. Забежал ему наперед (крюк в 1,5 км), хорошо замаскировался. Он, мышкуя на ходу, медленно, но верно приближался к той точке, в которой его достанут и навсегда остановят маленькие катаные свинцовые шарики. Потом он остановился и усталился куда-то в сторону — вдаль, а затем ходко зарысился в том направлении. Ничего не понимая, чуть привстаю и вижу, что «мой» лис гонится за другим (или другой). Так они и скрылись в дебрях брошенных садов. На следующий день, обнаружив его на лежке (лежал на холмике на краю заливного луга), я слишком долго обдумывал маршрут похода, не торопясь, очень тихо и долго потом подходил. В результате вышел к пустой лежке. Ни увидеть, ни услышать, ни учуять он меня не мог, это точно. А хозяин еще теллого «ложа» спокойненько шел себе, по каким-то своим, лисьим делам, шагах в двухстах по заснеженному люцерновому полю. И шел он по ветру, так что ни справа, ни слева обойти его не представлялось возможным. Пришлось опять «облизнуться». Впрочем, уже минут через 40 я укладывал другую, правда невзрачно-серенькую, лисичку в свой рюкзачок. А «вишневик», как я его окрестил, опять унес свою роскошную «шубу». Через день уже заяц спас ему жизнь. Лисовину оставалось пройти 20—30 м, и он был «на выстреле», но выскокивший у него из-под морды, так мне показалось, заяц «увел» его в сторону. А когда лис, после короткой погоны, направился прежним курсом, я его уже не доставал. «Видит око, да зуб неймет». И опять ветер и условия местности не позволили мне приблизиться на убойное расстояние. Правильно, что не стал я тогда делать «запретельных», случайных выстрелов, надеясь на шальные, по убойному месту попавшие дробины. А ведь память сохранила лисиц, битых наповал той же «нолевой» на 93, 101 метр, зайца, оставшегося на месте после выстрела «тремя нолями» с противоположного берега ставка (метров 100—110). Сразу оговорюсь: те выстрелы я вынужден был делать, надеясь сильно подранить зверя, иначе «уводились» гончаки, и шла коту под хвост охота. Во всех трех случаях 1—2 дробины поражали головной или спинной (шея) мозг. Уже давно стараюсь не стрелять

дальше 50 м. А «вишнёвика» я взял с 25 м (32 моих шага). Он так меня и не увидел.

Воспоминания. А мой сегодняшний оппонент не торопится объявляться на чистом. Может, уже «завелся» по своим делам, а я тут его жду, морожу «нижнюю часть туловища».

Спокойно. Главное теперь — терпение. Ну, увлекся он раскапыванием какой-нибудь норки, а может, присел осмолотреться, отдохнуть. А вон и силуэт мелькнул сквозь стебли. Вышел четко в ту точку, в какой я его и ждал. В верхнем стволе любимая мною и моей тозовкой нолевка-катанка в контей-

нере. Расстояние метров 28—30. Ветер — строго от него. Он медленно движется ко мне боком. Интересно, как он среагирует, если я встану (куражусь). Встаю, держу его на «концах стволов». Никакой реакции в ответ, продолжает рысать дальше вдоль валка травы.

А я бы, наверное, его боковым зрением в аналогичной ситуации увидел бы... Из этого лисовина я сделал очень удачное (как говорят друзья, и я согласен с ними) чучело и подарил своему другу-охотнику. Оно и сейчас радует глаз и напоминает о той, относительно легкой, охоте.

Охота с подхода в чистом виде слушается редко. Чаще практикую активный поиск с забеганием зверю наперед. Чаще видишь движущегося, нежели лежащего. Карабин упростил бы эту охоту вчетверо. К любой практически лисе можно подойти на 130—150 м в любую погоду, в любых условиях. Но охота с карабином у нас запрещена указом губернатора. Иногда «нагоняю» (это тоже несложно) лис на напарника. Но все-таки больше охочусь один. Напарники быстро устают, иногда нет четкого взаимопонимания, слаженности.

Этот вид охоты, конечно же, подойдет немногим. Кто-то просто «не потянет» физически, кому-то не позволят угодья, бедные лисой или без открытых пространств. Отсекаются те, кто не знает повадок лисы, пусть у них на счету несколько десятков лис, добытых из-под собак или на облавных охотах, кто не вдается в особенности поведения, повадок зверя. Не понравится такая охота и любителям пострелять-побабахать. Им рекомендуется утиный, а лучше голубиный перелет. На этой охоте один, редко два выстрела, а то и вовсе «экономия боеприпасов». Тем, кто любит шумные компании с последующими возлияниями «на крови», тем лучше выбрать другой вид охоты.

Есть еще много-много причин, из-за которых лишь единицы «фанатиков» охоты еще бороздят стлывые поля и луга, наблюдая за пластичным, очень грациозным и смышленным зверем в его родной стихии.

Большинство предпочтет более «удобные», менее утомительные охоты. А жаль. Очень рекомендую!

ВОПРОСЫ-ОТВЕТЫ

Вопрос. Каким образом вибрации ствола сказываются на разбросе пуль?

Ответ. При перемещении пули по нарезам канала ствола весь ствол вибрирует, как садовый шланг под напором подающейся в него воды для полива. Очень важно, чтобы при прохождении пулей дульного среза конец ствола находился бы в нулевой фазе, то есть не отклонялся бы от оси канала ствола в спокойном состоянии (при отсутствии выстрела) ни вверх, ни вниз. Причем от выстрела к выстрелу изменения положения дульного среза ствола не должно происходить, но будет происходить, если неодинаковая навеска порохового заряда, неодинаково капсюль воспламеняет порох, большой разброс пуль по весу и скорости, применение разных порохов и разных по конструкции пуль. Короче говоря, все, что скажется на графике кривой распределения давления пороховых газов по длине ствола. Для того чтобы изменить вибрацию ствола для улучшения кучности и постоянства боя, в нарезном ору-

жии применяется зарубежная насадка «BOSS». Этому же в какой-то степени могут служить и отечественные насадки, представляющие собой дульный тормоз или пламегаситель. Уменьшению вибраций способствует правильная укладка ствола и ствольной коробки в дерево ложи и тщательная подборка сочетания «пуля-заряд».

Вопрос. Как влияют параметры патронника на кучность стрельбы из нарезного оружия?

Ответ. Чтобы получить оптимальную кучность стрельбы, патронник должен быть изготовлен так же тщательно, как и канал ствола. Угловые и радиальные отклонения от оси канала ствола должны быть минимальными, а лучше, когда их вообще нет. И еще, длина пульного входа должна быть минимальной, но это зависит от выхода пули из дульца гильзы самой тяжелой пули, применяемой в патронах, предназначенных для стрельбы из имеющегося у вас образца.

Вопрос. Какова последовательность изготовления высокоточной винтовки?

Ответ. Вначале тщательно подгоняется затвор к ствольной коробке, затем отбирается целевой ствол по внутренним размерам канала ствола и с большими предосторожностями разворачивается патронник. При этом, чем меньше от номинала отклонение размеров по полям и нарезам, тем лучше. Ствол, имеющий размеры по полям близкие к размерам ведущей части пули, будет иметь лучшую кучность. Следует также обратить внимание на исследование Сергея Алексеевича Калинина, которые показали огромное влияние плотности посадки сердечника пули в ее оболочку на улучшение кучности стрельбы, но это относится уже к области изготовления патронов. Затем идет тщательная подгонка затворного комплекса к стволу, и в завершение работы происходит подгонка и укладка металла в дерево ложи.

М. Блюм

Зима!

Фото А. Дигилевича

Природа!

Охота!

«Мои любимцами были гончие»

К 25-летию со дня смерти Н.П. Пахомова (1890-1978)

О. ЕГОРОВ

Пахомов Н. П. (1890—1978)

В большинстве своем современные русские охотники, держащие гончих собак и охотящиеся с ними, априори уверены не только в исключительной старинности отечественных пород гончих собак, восходящих чуть ли не к временам Киевской Руси, но и в такой же старинности правил, традиций и языка русских ружейных гончатников. Между тем сама история становления двух отечественных заводских пород гончих собак: Русской и Англо-Русской (неверно называемой русской пегой), так же как правил и традиций ружейной охоты с ними, восходит всего лишь ко второй половине XIX века, — насчитывает от силы чуть более полсотни лет. Это глубинно-подсознательное убеждение в исключительной старинности гончих собак и охоты с ними на Руси логично вписывается и покоится на другом заблуждении, восходящем к советским временам. Суть этого заблуждения заключается в от-

рицании роли отдельной личности в истории. Между тем на самом деле роль отдельной личности в истории исключительно высока. Не углубляясь в аспекты всеобщей истории, достаточно легко убедиться в этом и на примере истории отечественного собаководства.

В России отсутствует отечественная порода легавых собак. Между тем основа, на которой могла возникнуть и развиваться отечественная заводская порода легавой собаки, изначально на Руси была. В послании боярина Г. Ф. Давыдова 1521 года канцлеру Великого Княжества Литовского князю Н. Радзивилу (Радзивиллу по-польски) есть следующее примечательное место: «А к нам ныне приказал (попросил. — О. Е.) еси с своим человеком з Ганком, чтоб нам к тебе послати пса борзой, да собаку подсоколью, да кречет: и мы к тебе пса борзой и собаку подсоколью и кречета послали с твоим человеком з Ганком...» Чуть позже, в 1529 году, в Литовском статуте, написанном на старорусском языке, мы впервые сталкиваемся и с названием подсокольей собаки, существовавшим на Руси, — «ищейка». Вот эта-то ищейка, благополучно сохранившаяся до XIX века, и должна была бы по всей логике лечь в основание современной отечественной подружейной легавой собаки. И все предпосылки для этого у нее были. Как точно заметил в конце XIX века корифей русской охотничьей культуры Л. П. Сабанеев в своем труде, посвященном истории легавых собак: «Собственно говоря, русских легавых, как породы, не существует, хотя она давно должна была и могла — быть (выделено мной. — О. Е.)».

Мало того, первые попытки создания такой породы, предпринятые в первой половине XIX века, были вполне успешны. Существовала даже порода русской легавой под общим названием «маркловка». Не хватило малого — энтузиаста-заводчика, обладавшего не только знаниями, профессиональным чутьем, смелостью в экспериментировании, беззаветно преданного идее создания русской легавой, но и что наи-

более важно, обладавшего харизматическим даром — умением безоговорочно увлечь своим делом других энтузиастов.

Аналогичная ситуация была и с отечественными гончими собаками. Но в отличие от выше приведенного примера здесь нашлись два харизматических лидера, трудам которых мы и обязаны созданию отечественных пород гончих собак. Это были Николай Павлович Кишенский и Николай Павлович Пахомов. Без их теоретической и практической деятельности отечественных пород гончих собак вполне могло бы и не быть, или, по крайней мере, их история могла бы пойти по другому пути. И это надо твердо понимать. Ведь не сохранились же, к примеру, брудастые гончие. Отнюдь, надо думать, не уступавшие другим гончим по своему полемому досугу. Но они, однако, так и не нашли своих энтузиастов-заводчиков, способных сравниться с той кипучей деятельностью, какую проявили для становления двух других пород отечественных гончих собак такие эксперты

и заводчики, как Н. П. Кишенский и Н. П. Пахомов.

Нынешнему гончатнику, ощущающему определенную неизбежность отечественных пород гончих собак, достаточно трудно представить себе то, что пород этих запросто могло бы и не быть или что они могли быть и совсем другими. Ведь переворот 1917 года и последовавшая за ним национальная катастрофа пришлось как раз на тот период в истории развития отечественных пород гончих собак, когда сами эти породы были еще сырыми, когда даже понятия о национальных породах гончих собак были не только не определены, но и не являлись даже общепринятыми. И то, что две главные национальные породы гончих собак: Русская и Англо-Русская, существуют, то, что эти породы имеют экстерьер и полевой досуг, соответствующие национальным представлениям о гончей собаке и ее предназначению на охоте, вот в этом есть главная и бесспорная заслуга Николая Павловича Пахомова. Даже несмотря на все потрясения последних 15 лет XX века, происшедшие в России, которые многими рассматриваются как катастрофа если уж и не вселенского масштаба, то национального как минимум, тем не менее мы не можем сказать, что отечественное охотничье собаководство пережило за эти годы какие-либо катастрофические или, тем более, невосполнимые потери. С одной стороны, это как раз и свидетельствует о том, что в отличие от тех же потрясений, имевших место в России в первой четверти XX века, нынешние являются лишь структурными, можно сказать косметическими изменениями, никак не затрагивающими глубинных пластов российского охотничьего собаководства. С другой стороны, это свидетельствует о том, что заложенный когда-то в 20-е годы XX века в основу отечественного охотничьего собаководства фундамент оказался не только прочным и надежным, но и покоящимся на твердой почве, а именно на особенностях и традициях национальной охотничьей культуры. И одним из главных творцов современной системы отечественного охотничьего собаководства был Николай Павлович Пахомов.

Николай Павлович Пахомов родился 6 (18) марта 1890 года в Москве в обеспеченной семье. Отец Павел Иванович был служащим (или, выражаясь по-современному, топ-менеджером) одной из частных фирм. С этой стороны семья была тесно связана с московской купеческой средой. Мать же, Анна Николаевна (в девичестве Гейтен), была артисткой Большого театра, ради семьи оставившая сцену. С этой стороны семья была тесно связана с миром искусства. Особенности происхождения и семейного воспитания предопределили жизненную стезю Николая Павловича.

По окончании 1-й Московской гимназии в 1908 году Пахомов поступил в

Московский университет на отделение русской словесности историко-филологического факультета, которое и закончил в 1912 году. Однако по настоянию отца, считавшего, что гуманитарное образование не даст сыну ни должного положения в обществе, ни достаточного заработка, в том же году поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета, который и закончил весной 1918 года.

Жизненная среда, в которой прошли детские годы и юность Николая Павловича, была исключительно благоприятной для формирования одаренной личности. Конечно, материальный достаток семьи — это немаловажный фактор для того, чтобы дети могли свободно развивать свои наклонности. Но важно не только это, важна и сама среда, в которой и происходит развитие личности. А купеческое, точнее было бы сказать, предпринимательское сословие России конца XIX — начала XX века было далеко уже не то «темное царство», каким оно было во времена А. Н. Островского. Нет сейчас необходимости доказывать, что то экономическое могущество России, выведшее ее к 1913 году на 5-е место в мире по уровню жизни и давшее ей самые высокие темпы экономического развития, было создано «промышленно-финансовыми акулами капитализма», то есть теми простыми организаторами производства, без таланта и неуемной энергии и предприимчивости которых не было бы ни морозовских фабрик, ни елисеевских магазинов, ни сытинских типографий, ни сандуновских бань. Не было бы всего того, что и до сих пор составляет предмет памяти и гордости России. Не было купеческое сословие уже ни малообразованным, ни бескультурным. Эта среда выдвинула огромное число выдающихся деятелей искусства.

Из этой же среды вышли и те меценаты, ценители и знатоки искусства, благодаря которым и могло состояться само искусство.

Связанный со стороны матери с миром искусства, с детства окунаясь Николай Павлович в его волшебный мир. Посещение художественных выставок, театров, концертных залов стало неотъемлемой частью его жизни, предопределив тем самым собственный выбор жизненного пути. И как это ни странно, но именно этот собственный выбор, а не настояния и рекомендации отца и родичей, и оказался в перспективе единственно правильным. Именно профессия искусствоведа, а не юриста дала Пахомову не только кусок хлеба и место в новой жизни, но и интересную работу, дающую смысл всей жизни. Однако наряду с любовью к искусству владела Николаем Павловичем всю жизнь еще одна страсть — охота.

Отец Николая Павловича не был охотником, и, как это очень часто бывает в таких случаях, интерес к охоте пробудился у мальчика под влиянием чтения литературы. В девять лет попался ему на глаза рассказ известного тогда писателя Н. Н. Каразина «Псовая охота», помещенный в журнале «Нива». Псовая охота, больше похожая на театрализованное действо, глубоко поразила воображение впечатлительного мальчика. Рассказ этот, по признанию самого Пахомова, сыграл решающую роль в его жизни, определив его привязанность к охоте, и в первую очередь к гончим. Страсть эта крепла у мальчика из года в год, и в конце концов родителям пришлось капитализировать перед ней. Так в 14 лет у него появилось его первое охотничье ружье и первая гончая собака. С этого же возраста Пахомов начал регулярно посещать все московские охотничьи и со-

Н. П. Пахомов (сидит второй слева) на охотничьей выставке. 20-е гг. XX в. Публикуется впервые. Архив Н. П. Пахомова

бачьи выставки, подолгу простаивая в отделе борзых и гончих.

Охотничья страсть пробудила у мальчика еще одно увлечение, владевшее Николаем Павловичем до конца жизни, — собирание охотничьих книг. Отец поощрял страсть сына к книгам и подарил ему «Полное руководство ко псовой охоте» П. М. Губина, заложив этим основу великолепной охотничьей библиотеки Н. П. Пахомова¹.

В скором времени, вспоминал позднее Николай Павлович, «я уже наилучше знал всю терминологию, весь красочный образный язык псовой охоты, знал, словно хороший дирижер, всю партитуру этого замечательного по своей декоративности спектакля, умел на охотничьем роге не только вызывать гончих, но и исполнить сигналы: «Гончие брошены», «По волку», «На драку» и т. п. Я помню, как матушка кротко уходила в самые дальние комнаты, чтобы не слышать моих надрывных звуков, когда я до распухания губ овладевал этой охотничьей речью медного рога. А летом, уединившись в лесу, я порскал или оглашал по часам заунывным звуком рога окрестности, прислушиваясь к эху, вторившему глухой меди, и воображал пленительные картины псовой охоты: наброс гончих, их помычку, варкий гон стаи, лихую скачку борзых и принятого из-под них соструенного переярка... А когда мне подарили небольшую смирную верховую лошадку, я настоял на приобретении казацкого седла и приторачивал к седлу сестриных кукол вместо лисиц и зайцев по всем правилам псовой охоты: одних, как лисиц, за голову; других, как зайцев, за ноги, вызывая рев сестры и строгое наказание от родителей».

Отец помог сыну впервые попасть на настоящую охоту с гончими, попросив соседа по даче, державшего два смычка гончих, взять как-нибудь мальчика на охоту. «Восторгу моему, — вспоминал Пахомов, — не было предела! Я уже не помню сейчас, как работали собаки, помню только, что мы ничего не убили, но тот факт, что у ног охотника послушно на смычках без сворки шли гончие, не смея не только броситься в сторону, но даже высунуться из-за ног, то, что они в середине дня во время привала послушно вышли на рог, так же неукоснительно сделали это к концу дня, совершенно пленили меня, и я стал муштровать свою разномастную, разнотипную кучку гончих, которых набралось у меня к этому времени уже пять штук».

Отец же попросил своего свояка А. Л. Шарпантье, когда-то охотившегося, но уже оставившего охоту, ввести сына в охотничий круг. Дядя познанил Николая Павловича с владельцем оружейной мастерской, известным московским охотником и садочным стрелком, Н. П. Силиным. Последний

был членом Московского общества охоты (МОО), объединявшего самые именитые фамилии Москвы, преимущественно из купеческой среды. Для членов МОО, да и других московских охотников, мастерская Силина была своеобразным охотничьим клубом. «Я жадно вслушивался, — писал в «Охотничьих миниатюрах» Николай Павлович, — в этот охотничий базар, лоя и запоминая неизвестные мне меткие охотничьи слова и выражения. Мастерская Силина стала для меня, да и не только для меня, своеобразной школой охоты, поскольку нельзя даже и передать той широты вопросов, которых, так или иначе, касались в рассказах ее посетители». Именно Силин познакомил Пахомова с владельцем одной из самых знаменитых стай гончих М. И. Алексеевым и помог Николаю Павловичу приобрести у Алексеева приглянувшихся Пахомову гончих.

Еще одну практическую школу охотничьей этики прошел Пахомов у Н. А. Алексеева (однофамилец М. И. — О. Е.), с которым познакомил его гимназический друг и неизменный товарищ всех охотничьих поездок Николай Павловича А. Беляев, доводившийся племянником Н. А. Алексееву. Благодарной памяти этого «простого, ничем не знаменитого, но замечательного человека» Пахомов посвятил одну из своих охотничьих миниатюр. «Я признателен судьбе, — писал Николай Павлович, — что счастливый случай свел меня с этим человеком, дал возможность воспользоваться его гостеприимством, проводить у него по несколько дней в течение ряда лет на весенних и осенних охотах и перенять, насколько хватило у меня сил и умения, его возвышенную любовь к природе и охоте».

Время, в которое Пахомов начал формироваться как заводчик гончих, было одним из ключевых моментов в истории становления отечественных пород гончих собак. В это время безусловным авторитетом главного эксперта по гончим пользовался Николай Павлович Кишенский. В истории отечественных пород гончих собак последний сыграл приблизительно ту же роль, что и П. М. Мачеварианов в истории породы Русская псовая борзая.

В пореформенный период, во второй половине XIX века, в связи с общим упадком комплектных псовых охот и главным образом с переустройством всей системы сельского хозяйства, центр псовой охоты сместился в степные районы, где стая гончих оказалась излишней. Сохранившиеся в центральных и лесостепных районах России комплектные псовые охоты в качестве костяка своих стай имели, как правило, английских гончих или мешанных с ними. Объяснялось это очень просто. Главными требованиями для стаи всегда были послушание и вежливость. Среди русских псовых охотников в середине XIX века считалась за аксиому склонность к скотинничеству русских гончих и «бешеная» вежливость ан-

глийских. Ввиду того что и в более ранние времена русские псовые охотники никогда не утруждали себя заботами о своих гончих собаках, то и в период пореформенный, когда отношения между помещиками и их бывшими крепостными и так были накалены, самый простой выход у состоятельных псовых охотников был в приобретении заведомо вежливых собак. К тому же был и наглядный пример успешности таких стай, хотя бы в виде той же Императорской Гатчинской стаи, славившейся своей идеальной вышкленностью. Как писал в 1881 году один из самых известных псовых охотников России Д. П. Вальцов: «Для теперешних небольших псовых охот англо-русские собаки более пригодны, чем чистокровные русские»². И в этом было очень много правды.

В то же время начавшая набирать популярность со второй половины XIX века ружейная охота с гончими, пришедшая в коренную Россию главным образом из Белоруссии и Польши, также предъявляла такие требования к полевому досугу подружейной гончей, какими не обладала старинная стайная собака. Главным из этих требований, разумеется, кроме вежливости, была вязкость. Наилучшим образом всем требованиям ружейных охотников отвечали как раз именно польские гончие. Потому в стайках и полях ружейных гончатников преобладали, как правило, польские гончие или мешанные с ними.

Таким образом, во второй половине XIX века сложилась ситуация, когда старинная стайная собака вначале растворилась в мешанине, а затем должна была и вовсе исчезнуть. Именно этим путем уже прошла Русская легавая. Однако в деле создания национальной породы гончей собаки нашелся достойный лидер. Именно Н. П. Кишенский первым сформулировал те требования к экстерьеру и полевому досугу национальной породы, смутные представления о которых носились в умах русских охотников. Кишенский не только дал довольно четкие критерии, по которым восточная гончая (к которой относилась, по его мнению, старинные породы русской гончей) отличалась от ее западных визави, но и сумел добиться выдающихся успехов как заводчик действительно отличных полевых гонцов. Именно отличные рабочие качества собак его завода под брендом «костромская гончая» способствовали признанию его главным авторитетом по гончим собакам русскими охотниками. С момента начала проведения первых регулярных выставок охотничьих собак (1872 г.) и до конца жизни Кишенский был бесспорным экспертом на большинстве из них.

Интересу к возрождению национальной породы гончей собаки у русских охотников способствовала и общая атмосфера последней четверти XIX века,

¹ О библиотеке Н. П. Пахомова подробнее см.: Егоров О. А. Охотничья библиотека Н. П. Пахомова // Охотничьи просторы. 1994. № 2.

² Природа и Охота. 1881. № 4.

когда под влиянием Императора Александра III, русофила до мозга костей, знатока и любителя русской истории, в русском обществе начался ренессанс русской культуры и возрождение интереса ко всему русскому.

Энергичная деятельность Кишенского и как эксперта по гончим, и как успешного заводчика, и как талантливого популяризатора отечественных пород гончих собак, главным образом костромской, и охоты с ними, автора фундаментального труда, не утратившего своего значения и до сегодняшнего дня, «Ружейная охота с гончими» (1906 г.), принесла свои плоды. К концу XIX века порода Русской гончей стояла на верном пути, а среди русских охотников сложился слой грамотных и энергичных ее заводчиков. К этому же времени (1895 г.) относится и первая попытка дать стандарт отечественной гончей в виде «Описания типичных признаков Русской гончей», предпринятая П. Н. Белоусовым и А. Д. Бибиковым. Однако стандарт этот, как и описания, предложенные Кишенским и другими, до 1917 года так и не стал общепризнанным.

Пахомов вошел в эту среду энтузиастов гончатников удивительно органично и быстро. Рожденный, как уже было сказано, в неохотничьей семье, свои первые знания о полюбившихся ему собаках он начал черпать из чтения всей охотничьей литературы, главным образом охотничьих журналов, которые попадались ему в руки. Еще мальчишкой он начал посещать все охотничьи выставки, проводя все время в отделе борзых и гончих, слушая объяснения экспертов, мнения знатоков, разговоры охотников. Набирался

и практический опыт по выращиванию, приездке и нагонке собственных собак, так как отец, подарив сыну верховую лошадь, разрешил держать и собственных гончих. К совершеннолетию и началу самостоятельной жизни Николай Павлович имел уже свой собственный выработавшийся взгляд на то, какой должна быть породистая рабочая стая русских гончих. Наиболее всего ему нравился тип гончих стаи М. И. Алексеева. В 1908 году Пахомов приобрел у М. И. Алексеева двух собак: Заливая III и Говорушку. «Сравнив их со своими гончими, — вспоминал Николай Павлович, — я понял, что все имевшееся у меня — дрянь и что мне следует добиваться получить еще собак от Алексеева». На следующий год случай улыбнулся Пахомову и он приобрел у Алексеева его лучшую выловку, вожака стаи — Звонишук, а с нею еще трех гончих — Хохота, Забавляя и Помычку³. В декабре этого же года он впервые выставил три смычка своих гончих на X выставку МОО. С этого года Пахомов официально вошел в круг признанных заводчиков Русской гончей.

Последнее обстоятельство позволило Пахомову получить разрешение ознакомиться с заводами самых известных гончатников России. Николай Павлович не только получил возможность досконально осмотреть всех гончих того или иного заводчика, увидеть их в поле, наметить перспективных собак для будущих вязок, но и ознакомиться с общим содержанием и методами

³ В «Портретах гончатников» Николай Павлович, видимо, по ошибке памяти указал ее кличку как Помчишка. Однако во всех каталогах МОО значится Помычка.

приездки собак, а также сделать зарисовки планов псарен. Тогда же Пахомов приобрел небольшую усадьбу в 4 верстах от станции Шелковка (ныне ст. Дорохово) по Московско-Смоленской железной дороге и выстроил собственную псарню для содержания своего завода.

Прилив к приобретенным у Алексеева гончим кровь собак П. Н. Белоусова и И. Н. Камынина, Пахомов уже в 1912 году на XIII (юбилейной) выставке МОО взял главный приз — «За лучшую стаю Русских гончих». И с этого времени неоднократно на различных охотничьих выставках России стая русских гончих братьев Пахомовых⁴ брала призы за лучшую одиночную гончую, за смычок и за стаю. Этот видимый успех гончих завода Пахомова неоспоримо свидетельствовал, что в среде русских гончатников вошел талантливый и энергичный заводчик, обладавший помимо знаний еще и верным глазом, интуицией и ясным пониманием того, какой должна быть породная рабочая гончая.

Трудно сказать, как сложилась бы личная карьера Пахомова, не случись Октябрьского переворота 1917 года. Возможно, Николай Павлович все же стал бы профессиональным юристом, как того и хотели родители. Но одно бесспорно, он был бы одним из самых выдающихся и авторитетных заводчиков гончих собак России. И в этом качестве по праву наследовал бы Н. П. Кишенскому. Бесспорно и то, что Пахомов был бы одним из главных моторов по объединению русских гончатников в единый союз, принятию единого стандарта на Русскую гончую, созданию единых правил по проведению полевых испытаний гончих собак... Как, безусловно, и то, что вся история отечественного охотничьего собаководства пошла бы по иному пути. Однако история не имеет сослагательного наклонения, и Октябрьский переворот 1917 года имеет место быть.

В одночасье вместе со старым миром рухнуло и все благополучие семьи Пахомовых. Прекратила свое существование и одна из лучших стай России, разворованная окрестными крестьянами, а заодно была национализирована и сама усадьба. В 1918 году от тифа скончался брат Александр, по образованию инженер-путеец. Выжить, в буквальном смысле слова, в первые годы Советской власти и найти свое место в новой жизни Николаю Павловичу помогло старое знакомство с И. Э. Грабарем. По приглашению последнего в ноябре 1918 года Пахомов поступил в музейный отдел Наркомпроса. С этого момента и до конца жизни Николай Павлович был тесно связан с организацией музейного дела в России.

Окончание следует

Першинская багряная стая русских гончих с доезжачим

⁴ Так официально регистрировалась на выставках и в каталогах эта стая. Однако вел породу один Николай Павлович.

1

2

3

Оружейная выставка в Ижевске

М. БЛЮМ, фото автора

В прошлом году Ижевск принимал гостей международной российской выставки охотничье-спортивных товаров «РОСТ-2003», на которой было широко представлено охотничье оружие уже известных образцов отечественных производителей, а также новинок, которые еще не попали на прилавки наших магазинов. На выставку приехали представители некоторых зарубежных фирм, однако охотничьего оружия они не показывали, а поэтому особого интереса для охотников не представляли.

Выставку посетили высокопоставленные представители Российской Федерации. В их числе были: генеральный

директор Российского агентства по обычным вооружениям А. Ноздрачев, начальник Генерального штаба МО РФ А. Квашнин, начальник главного автобронетанкового управления МО РФ С. Маев и наша легенда Михаил Тимофеевич Калашников. Генерал А. Квашнин любезно согласился ответить кратко на несколько вопросов журналистов. В частности, был задан вопрос: «Как вы относитесь к охоте?» На это он шуточно ответил, что если мужчина не занимается рыбалкой или охотой, то, значит, он «ни рыба ни мясо».

На выставке было представлено огнестрельное оружие только отече-

ственных производителей. Свое охотничье оружие выставили на обозрение концерн «Ижмаш», «Ижмех», «ТОЗ» и «Молот». Были небольшие экспозиции музейного оружия завода «Ижмаш» и предприятия «Легион», производящего охотничье оружие в улучшенном и художественном исполнении.

Из новинок «Ижмеха» охотников может заинтересовать комбинированное ружье «Скаут» с откидными стволами. Гладкий ствол рассчитан на применение патрона. 410 магнум, а нарезной ствол предполагает использование малокалиберного патрона кольцевого воспламенения. О таком недорогом

4

5

6

ружье всегда мечтали промысловые охотники России, но только с гладким стволом 32 или 28 калибра (вспомните далекую предшественницу «Белку»). Да и такое название комбинированного ружья для нашей страны весьма странное, так как это название молодежной организации типа «пионерской», а нарезное оружие в нашей стране может купить только охотник со стажем не менее 5 лет. Конечно, и патрон .410 магнум не шибко распространен по нашим сибирским креплям. Нужнее будет 28 калибр под металллическую гильзу с капсюлем «жевелю».

Если продолжить разговор о комбинированном оружии, то больше всего огорчает отсутствие прекрасно задуманных заводом трехствольных ружей MP-271 и MP-272. Об одном из них, тройнике MP-271, я уже писал (журнал № 7 за 2003 год). Причем, насколько я понял из беседы с представителями завода, их не собираются делать. Можно только пожалеть об этом. Наша страна опять без тройников!

Но не только о них замолчал завод. Совершенно неясна судьба штуцеров со сверловкой «ланкастера», и «парадоксов» стало не видно. Такое ощущение, что оружие делают на потребу зарубежному охотнику, а не нашему. Примером тому может служить штуцер «Артемиды» под американский патрон 45x70 (калибр MP-271, а уже с гильзой длиной 70 мм), который в нашей стране не выпускается. Пуля этого патрона при заводском снаряжении весит 26,24 г и имеет начальную скорость 402 м/с (дульная энергия чуть больше 200 кгс·м), а разработан этот патрон в 1873 г. Может быть, лучше создать что-нибудь поновее, а то ведь старый «бердановский» боевой патрон калибра 10,67 мм и тот имеет лучшие показатели со старыми порохами (начальная скорость 437 м/с, а вес пули 24 г при дульной энергии 232 кгс·м), а если с этой же гильзой снарядить патрон с современными компонентами, то американский родственник будет бит по всем параметрам.

По-настоящему порадовал охотников «Ижмаш» своим карабином «Сайга» сотой модели не только под патроны 7,62x39, 5,56x45 (.223 Ремингтон) и 7,62x51, но и под патрон 7,62x63. Карабин принял весьма близкий к охотничьему вид, и практически внешне ничего не осталось от боевого образца, хотя начинка осталась та же, но с некоторыми изменениями. От вида «милитари» он потерял практически все, хотя мушка как торчала, так и торчит над концом ствола, а это очень неудобно при охоте скрадом в зарослях или камыше.

Этим же заводом изготовлен прекрасный магазинный карабин «Рекорд» ручного перезарядания, спусковой механизм которого настолько хорош для точной дальней стрельбы, что отпала необходимость устанавливать отдельный шнеллерный механизм. Удобная ложа также способствует этому. Карабин рассчитан на применение патронов 7,62x51.

На выставке была представлена гамма охотничьих малокалиберных карабинов, таких, как «Коршун», БИ-7-2-КО, БИ-7-2 исп. BASIC, СМ-2КО, MR-141К и MP-161К, под патроны кольцевого воспламенения с тенденцией перехода на новый для нас патрон .22 Винчестер Магнум с начальной скоростью пули 615 м/с, вес которой равен 2,6 г с дульной энергией почти в 50 кгс·м для отстрела некрупных животных на расстояниях от 50 до 150 м. Патрон очень неплохой, и хорошо бы наши заводы наладили его выпуск.

Завод «Молот», представив серию карабинов «Вепрь-Хантер», добавил к ним образец «Вепрь-Хантер Варминт», отличающийся от предыдущих образцов тем, что на нем устанавливается над ствольной коробкой только оптический прицел, а система открытого прицела полностью отсутствует. Этот карабин предназначается только для дальней стрельбы на больших открытых пространствах степей, тундры или в высокогорье.

ТОЗ представил на выставке свою новую модель ТОЗ-200 с вертикальным расположением стволов, избавив ее от некоторых недостатков предыдущей модели ТОЗ-34. Разборка и сборка этого ружья производится традиционно. В дальнейшем конструкцию этой модели завод собирается использовать для разработки ружей под патроны с длиной гильзы 76 мм. Предполагается также на этой базе создать комбинированные ружья с разным сочетанием стволов и штуцер под патроны 7,62x54R.

Из новинок патронного производства наших охотников может заинтересовать пулевой патрон Краснозаводского предприятия (КХЗ) с пулей «Стрела-магнум» весом 42,5 г. По некоторым сведениям, эта пуля при стрельбе на 50 м и показала разброс 15 см при стрельбе стоя из ружья MP-153.

Барнаульский станкостроительный

завод, который до сего времени выпускал только патроны к нарезному оружию, решил попробовать силы в изготовлении патронов к гладкоствольному оружию, и сразу новинка: полностью пластиковая гильза.

Патронный завод «Позис» выставил на стенде патроны с разными номерами дробы в одном снаряде, с пулей «Позис» для стрельбы из оружия «парадокс» или с насадками «парадокс», а также патроны со стреловидными пулями «Спецназ» и «Удар» для стрельбы по автомобилям.

Новосибирский завод НВА разработал дробовой патрон «Коростель» с использованием итальянской капсулированной гильзы, пыжа-контейнера «Гуаланди» и пороха Сунар». У завода обширные планы в отношении производства патронов калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения. Они собираются поставить на производство патрон с омедненной пулей весом 1,1 г со скоростью в 10 м от дула порядка 670—690 м/с. Вопрос только в том, что это даст охотникам-промысловикам и насколько он будет надежен по убойности.

Тульский патронный завод тоже не отстает от своих собратьев. Под маркой «Wolf» начал производство патронов 7,62x51, только при чем здесь «Волк», которого всегда охотники отстреливали картечью, а пулевого патрона хватило бы и калибра 5,6 мм. Например, патрон 5,6x39 или .223 Ремингтон, под который наши производители оружия усиленно начали производить самозарядные карабины.

«Техкрим» начал производство дробовых патронов 16/70 и 28/70. До этого он производил только патроны 12, 20 и 410 калибров. Что интересно, так это получение заводом права на снаряжение патронов подлинной пулей «Бреннеке» и маркировку своих патронов с таким же названием.

Новосибирский завод «Искра» изготавливает особопрочные бумажные гильзы для дробовых патронов, а для пулевых патронов применяет пулю «Обь» собственной конструкции.

Особый интерес для журналистов представляли собой так называемые круглые столы и конференции, из которых наибольший интерес для наших читателей, находящихся вдалеке от больших городских центров, может представить конференция, связанная со снабжением патронами и оружием отдаленных мест. Название этой конференции «Проблемы искусственного сдерживания продажи спортивно-охотничьих боеприпасов, связанные с существующими ограничениями по хранению боеприпасов в магазинах. Проблемы наполнения оружием, боеприпасами и сопутствующими товарами оружейных магазинов в удаленных регионах».

Наибольший интерес для наших читателей представляет выступление члена совета директоров и консультанта Президента Союза Российских Оружейников Анатолия Николаевича

1. Начальник Генерального штаба генерал А. Квашнин на выставке РОСТ-2003

2. Выставочный павильон, в котором проходила выставка РОСТ-2003

3. Анатолий Николаевич Бакакин — член совета директоров Союза Российских Оружейников, управляющий заводом «Ижевские ружья» — рассказывает о проблемах, связанных с перевозкой оружия и патронов.

4. Самозарядные карабины MP-161К с пластиковой и деревянной ложами

5. Выставка открылась. Началось ознакомление с экспозицией директора Российского агентства по обычным вооружениям А. Ноздрачева, легендарного генерала М. Калашникова

6. Такое разнообразие патронов к гладкоствольному оружию можно было увидеть только на стенде фирмы «Позис» г. Зеленодольска

Бакакина под названием «Проблемы перевозок патронов к огнестрельному оружию». В этом докладе, в частности, обсуждается вопрос о необходимости использования контейнерных перевозок железнодорожным транспортом. На сегодняшний день число торговых предприятий, связанных с продажей оружия и патронов, превышает цифру 825. В 2000 году, после того как одна из оружейных фирм всего лишь допустила ошибку в оформлении документов (заметим, не правил перевозки), МПС РФ дало устное указание, запрещающее перевозку патронов универсальными контейнерами. В результате этого резко сократилась поставка патронов в районы Сибири и Дальнего Востока. Поставщики перешли на автомобильные перевозки, которые значительно опаснее, что увеличило их накладные расходы, а значит, и цену каждого патрона и ружья. Кроме того, не везде можно добраться на автомобиле из-за хронического бездорожья. Вот и кукуйте, дорогие охотники, в тех местах, где еще есть дичь, да патронов негде купить. Наши чиновники никак не разберутся с этим вопросом, а пока, по предварительным данным, потери отечественных производителей только патронов и торговых предприятий составляют свыше 32 млн рублей в месяц.

В конечном итоге доклад вылился в следующие предложения. Во-первых, от имени Союза Российских Оружейников направить обращение к Российскому агентству по обычным вооружениям и Российскому агентству по боеприпасам с предложением о проведении совместного совещания с руководителями МПС РФ, на котором рассмотреть проблемы перевозок гражданского оружия и патронов к нему железнодорожным транспортом. На это совещание пригласить специалистов органов сертификации взрывчатых материалов и производителей патронов для выяснения степени опасности перевозок патронов универсальными контейнерами и почтово-багажными вагонами. Во-вторых, представителям предприятий, производящих патроны, обратиться к депутатам Государственной Думы, представляющим их регионы, об инициировании депутатских запросов в МПС РФ о принятии соответствующих решений, позволяющих осуществление перевозок патронов в универсальных контейнерах и почтово-багажных вагонах. Ну и в-третьих. Обобщить результаты вышеназванного совещания и с учетом прозвучавших на нем конструктивных предложений и замечаний, связанных с проблемами хранения и перевозок оружия и патронов, довести до сведения ГУООП МВД РФ.

И последнее. Во второй день работы выставки были проведены демонстрационные стрельбы из нарезного и гладкоствольного оружия, которые показали безотказную работу всех представленных образцов.

Его выбрала судьба

К 50-летию Михаила Васильевича Булгакова

Михаил Булгаков (слева) в гостях у Вадима Чернышева в дер. Кулодино Тверской губ. Август 2000 г.

Жизнь любит мастеров. Все равно, в какой сфере деятельности человек достигает мастерства: кладет ли печи, тачает ли сапоги, пишет стихи или играет на скрипке — важно, чтобы человек овладел своим ремеслом в совершенстве и знал свое дело лучше других. Тогда его мастерство будет отмечено и нарасхват востребовано людьми.

Мастерство достигается, когда человек выполняет работу увлеченно, с душой и той охотой, которая для него становится «пуще неволи». Увлеченность и страсть, с которой человек предается своему занятию, является достоянием не столь уж многих — это проявление несомненной одаренности, милости Божьей. Недаром Николай Алексеевич Некрасов отмечал, что охота — он имел в виду охоту ружейную и псовую — «отделяет» себе наиболее талантливыми часть русских людей.

Чем же, как не подарком судьбы, можно объяснить, что Михаил Васильевич Булгаков, родившийся и выросший в ближнем пригороде столицы, вдали от девственных куц и охотничьих палестин, в мальческом возрасте вдруг почувствовал непреодолимую тягу к охоте? И как следствие этой захватившей его страсти — и к охотничьей литературе, созданной увлеченными, очень неравнодушными людьми. Откуда это?

В семье добropорядочной и простой — мать работала продавцом в овощном отделе магазина, а отца не стало, когда Мише было три года, — никто не охотился и книгами такого рода не интересовался.

Но страсть, где бы и как бы она ни зародилась, должна проявиться — сеттер,

за неимением тетеревенка, делает стойку и по воробышке. Воробыи и были первой «дичью» юного охотника из столичного предместья, которых он стрелял сначала из рогатки и, как положено обращаться с дичью, жарил. А накопив червонец на игре в «расшибаловку», купил потом в комиссионке одностволку-переломку, калеку, потому что у нее не было цевья, что требовало особенно осторожного с ней обращения. И только отслужив срочную в армии, приобрел по возвращении домой двустволку — с которой, кажется, и охотится до сих пор.

Не все так просто было и с охотничьей литературой. Изучив то, что было уже известно и включено в списки изданного, составленные Л. П. Сабаневым, Н. Ю. Анофриевым, Д. К. Соловьевым, Михаил Васильевич углубился в собственный поиск.

Охотничьей литературой интересуются многие охотники, ставшие охотниками не по случаю. Они не пропускают вновь издающиеся книги, выписывают периодику, захаживают — мимоходом — к букинистам, шарят взглядом по развалам и полкам в надежде на то, что попадется что-то стоящее. Но это, можно сказать, подход любительский, дилетантский.

Булгаков же заранее вызнал о существовании когда-то издававшихся книг и журналов, разыскивал их адресно и целенаправленно. Это была подлинная профессиональная охота за печатными охотничьими раритетами, трудная и увлекательная, которая требовала значительно времени и средств.

Но истинные коллекционеры — люди в своем увлечении одержимые. Они не жа-

леют ни того ни другого. Так у Булгакова собралась уникальная, самая полная, быть может, в России библиотека редких охотничьих печатных изданий. Собрать такую коллекцию, ее владелец в 2000 году издал книгу — каталог своей библиотеки «Редкие охотничьи книги», вызвавшую большой интерес читателей-охотников.

Охотничья литература никогда не пользовалась вниманием профессиональной критики, эта область слишком далека от нее, о ней мало известно не только широкой читающей публике, но и большинству самих охотников. Тем ценнее трудный опыт изучения такой литературы Михаилом Булгаковым, его книжного собирательства, давший ему право подписывать свои статьи и очерки по охотничьей библиографии псевдонимом «Матерый библиофил». Михаил Васильевич стал подлинным знатоком охотничьей литературы, признанным «мастером» этого кропотливого дела.

Но не только страсть коллекционера подвигла его на книжное собирательство — к литературе Михаила Васильевича влекло природное тяготение к художественному слову, писательское чувство языка. Неудивительно поэтому, что вслед за статьями и очерками библиографического толка он сам обратился к беллетристике, и прежде всего — к рассказу. Увлекательным устным рассказчиком Михаила Васильевича трудно назвать, но, когда он берет перо и бумагу, слова сразу обретают лад и строй, характерную булгаковскую непринужденную интонацию легкой иронии, а чаще того — самоиронии. (Такое не так уж редко встречается среди пишущей братии: отменно владеющие пером, они далеко не все «говоруны».)

Творчество Булгакова питается охотой. Во всяком случае — пока. Но меньше всего в его прозе описаний лихих выстрелов, охотничьих сцен и эпизодов — хотя и они, конечно же, имеют право на закрепление словом — чаще всего это подробное, обстоятельное повествование о поездках к заветным местам, о дорожных встречах с людьми необычных характеров и судеб, о лесном житье в полюбившихся краях...

Тем не менее эти рассказы — настоящие охотничьи. В них передается настроение, сопутствующее охоте, порожденное ею состояние души — то, что делает охоту умной и одухотворенной. Рассказы Михаила Васильевича Булгакова, опубликованные в девяностых годах прошлого века в журнале «Охота и охотничье хозяйство», в альманахе «Охотничьи просторы», многие библиографические статьи и очерки послужили основанием для приема его в 1998 году в Союз писателей России. А вскоре после этого у него в 1998 и 1999 годах вышли две книжки, сборники ранее опубликованных в периодике рассказов, за которые Росохотрыболовсоюз и Правление Московского общества охотников присудили автору Аксаковскую премию и памятную медаль.

Замечено, что охота, любовь и близость к природе часто сочетаются у людей с даром художественного слова, с пристра-

стием к литературе. В подтверждение этого можно привести множество примеров, начиная от С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, И. А. Бунина, М. М. Пришвина, И. С. Соколова-Микитова и завершая этот блистательный ряд такими замечательными рассказчиками-охотниками, как Юрий Казаков, Георгий Семенов, Сергей Никитин, Евгений Носов, и многими, многими другими одаренными, современными нам писателями.

Манера письма Михаила Васильевича Булгакова, легко захватывающего сопутствующие охоте, но напрямую с нею не связанные сюжеты, позволяет предполагать, что он решится когда-то «вышагнуть» за пределы охотничьей тематики и представить читателям прозу «во-

обще за жизнь». А знания жизни ему не занимать: после службы в армии и окончания Землеустроительного института он «хлебнул» экспедиционных тягот при геодезических съемках на Дальнем Востоке, поработал на Кубани, в Подмоскowie...

Михаилу Васильевичу исполняется пятьдесят. Поздравляем его с этой знаменательной датой. Много это или мало — пятьдесят? Все в мире относительно.

Но в писательской судьбе это не много и не мало, а самый творческий возраст, когда набравшая уверенности рука подкрепляется достаточным жизненным опытом. Пожелаем же дальнейших успехов его таланту.

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Михаил Булгаков на охоте. Архангельская обл., р. Пустая. Май 2003 г.

Возвращение красного коня

Ваня родился белобрысым. Это могли подтвердить родители, соседи и акушерка. Могли, но ничего не расскажут, в живых уже никого не осталось. Волосы у Вани стали рыжеть и краснеть еще в детстве, и его прозвали Красным, но кличка не прижилась, какой интерес так дразнить мальчишку с фамилией Краснов? Теперь, когда ему перевалило за шестьдесят, а шевелюра давно потемнела и стала бронзовой, никто и не вспомнит, что его когда-то кликали Ванькой Красным. Мозглым октябрьским днем архангельский мужик Иван Краснов, сосредоточенно согя и сбивая руки о стылое железо, помогал мотористу цеплять две платформы к пассажирскому мотовозу. Тот катил в райцентр и притормозил на таежном разъезде у тихой деревни с названием Тимша, чтобы попутно прихватить Краснова. Пассажиры знали Ивана как облупленного, но все равно приникли к окнам.

Событие на их глазах происходило знаменательное и грустное: Иван Платонович Краснов переезжал из Тимши в райцентр, а больше в деревне никого не оставалось, Краснов — последний. Если по уму, то бросить хозяйство ему надо было еще четыре года назад, когда не стало жены Настасьи Петровны, когда наступила в его жизни тьма египетская, и Краснов за неделю лишил невинности целый хоровод бутылок с водкой, годами ожидавших своей участи в темнице за печкой. И враз в огороде перестала родиться картошка, запархатели и подохли куры, откуда-то вылезли невиданные раньше, лоснящиеся от жира тараканы. Только на коня Лебеда и хватало красновского усердия и оставшихся крох любви к жизни. Однажды Иван Платоныч получил повестку из собеса и с удивлением узнал, что ему стукнуло шестьдесят и он теперь пенсионер. Во дела... Да когда же он успел состариться, да куда же вся жизнь подевалась? Он бы и дальше зимогорил в Тимше, но прошел слух, что железку из-за убытков вот-вот прикроют и снимут рельсы, а до большей земли — райцентра — шестьдесят три версты. Вослед этой невеселой новости где-то на трассе ЛЭП ураган повалил столбы, и в доме погас свет, объясни-

ли, что навсегда. Хорошо хоть, что Краснова вместе с тараканами никто не посыпал дустом. Правда, уезжал он не на пустое место, в райцентровском поселке его ждал давно заколоченный родительский дом, гнездо, из которого он когда-то вылетел. Ну что ж, пора домой.

Для переезда Иван Платоныч выхлопотал в депо две полуплатформы, одну — Лебеда, а вторую под пожитки. Проходная дрезина еще вчера оставила платформы на разъезде, и Краснов потихоньку перевез на Лебеде весь скарб на насыпь, разобрал телегу, потом прямо по траве конь притащил сани. Крупные вещи он погрузил на платформу еще ночью, оставалась мелочевка: завернутый в одеяло телевизор, оконные переплеты без стекол, кадушки и ушата, вороха капканов, три медвежьих шкуры, свернутые в рулоны, баулы со шмотками и посудой, конская упряжь, инструмент...

Уже на платформе, проверяя, не забыл ли чего, Иван Платоныч присел у громадной каракатицы из торчащих во все стороны оглобель, досок, граблей и метел и стал похож на старый пенёк, выданный из почвы вместе с узловатыми корнями, с присохшей к ним глиной и камнями, всем, что за много лет сплелось и срослось в одно целое, нерасчленимое. Краснов оглядел свое добро, перевел взгляд на деревню и никак не мог понять: какая-то сила оторвала его от Тимши, от земли, где он жил долго и счастливо? И как он объяснит своему коню Лебеда, почему пришло бросать дом и куда-то ехать?

Масть Лебеда, под стать хозяйевой, была огненно-рыжая, при богатом воображении — красная, но вот незадача: нет такой масти в лошадином кодексе. Рыжая — да, имеется, из похожих есть еще гнедая, буланая, даже игреневая и какая-то изабелловая, но кто о них слышал? Между прочим, белой масти тоже нет, есть серая, а белый конь скачет и скачет в песнях, сказках и мечтах. Так что Иван Платоныч был уверен, что конь у него красный. Зато все другие считали Лебеда рыжим, так и говорили: рыжий, как красновский мерин. Нет, не так. Сна-

чала говорили, что рыжий, как Краснов, а если звучало неубедительно, вот тогда и вспоминали красновского мерина. А те, кто не заглядывал Лебеда под хвост, звали его не мерином, а лошадю, хотя сам Краснов величал Лебеда очень торжественно — конь. Конь так конь, какая разница? — соглашались люди, не ведая, сколь велика эта разница и какую боль может причинить хозяину обычная игра слов.

Народ в мотовозе подобрался пестрый: моторист забивал «козла» с горластыми рыбаками, рядом дремали капитан и прапорщик, робко жались в угол женщины, ехавшие из колонии со свиданиями с заблудшими мужьями и сыновьями, озоровали интернатские школяры, чинно восседали две бабули с поджатыми губами, благодушествовали удачливые ягодники, — народ все нашенский, старорусский, а новорусского здесь не встретишь. Оно и ладно, зато все свои и друг друга, плохо ли хорошо, но знают. «Был конь, да уездили», — сочувствовали они то ли Лебеда, то ли самому Краснову, зная его былую силу и глядя теперь на хмурого и растерянного мужика. И витала над всем какая-то неловкость, неуютная тревожность, словно что-то непоправимое должно произойти, и что-то искрило вокруг, но незаметно, без огня и грома.

Краснову оставалось лишь погрузить на вторую платформу Лебеда, дело это не плевое: надо завести коня по трапу и привязать стропами к четырем жердинам-стоякам, закрепленным в бортах платформы. Народ, смирившись с вынужденной стоянкой, отмяк и проникся состраданием к незавидной красновской доле, однако ж на хорошей полянке всегда уродится поганка. Витька Ляпа, из блатняшек, залил глаза и требуя к себе внимания, охамел, вертелся фертом, сыпал матерщиной и изгалялся. А что военные? — Военные не милиция. Цена Ляпе — сорокалетнему лоботрясу и выпивохе — грош в базарный день. И славен он был только отсидками в зоне и тем, как лечил ревматизм в ногах: зимой надевал резиновые сапоги, лил в них воду и, махнув два стакана водки, в лютый мороз сидел на дворе до тех пор, пока вода в

сапогах не превращалась в лед, а дома — ноги в таз с кипятком, удивительно, как до сих пор врачи их не отрезали? Дури в Ляпе — с полведра, а желчи еще больше.

— Краснов, отпусти Лебеда на волю! Ну куда ты его в поселке пристроишь с телегой и санями? Может, в администрации начальству в дар принесешь, в смысле, подшестерить хочешь? Да ты учти, районные шишки давно на авто пересели, а ипподрома у нас нет, чтобы скачки для тебя устраивать. Слушай, кулак, может, ты на мясо задумай своего сивого мерина пустить? Конская дак колбаска — пальчики оближешь!

Краснов, рубивший жерди в окружении советчиков, обернулся, потрогал пальцем лезвие топора и шагнул к обидчику. Все остальные, будто шары на бильярдном столе, отскочили врассыпную. Ляпа сжался в комок и по-звериному оскалил коричневые от чифирия зубы: «Ты, чо, мухомор, на шило захотел?! Где шило, мужики, дайте мне шило, я ему потроха пошинкую!» Иван Платоныч выронил топор, сунул Ляпе под самый нос волосатый кулачище: «Видал? Урка слюнявая!» — и засветил ему прямо в толоконный лоб. Тот, не ойкнув, снопом повалился навзничь, но быстро очухался, оглядел всех мутным взором и забился в истерику: «Запорю, падлой буду, запорю!» Мужиков на арапа было уже не взять, во главе с капитаном они ловко спеленали буюна и с тумакнами поволокли в кусты.

Об эту пору мир трещал от швам: Африка задыхалась и умирала от засухи и голода, в Америке рушились небоскребы, в Европе пробудились вулканы, и потом их вместе с Европой залили ливни. И только в России все шло своим чередом: кого-то мочили на улицах и в сортирах, в городах что-то горело и погромыхивало, но как-то не масштабно, не ярко и не громко. А на задворках, в глубинной России пятеро мужиков возились с пьяным Ляпой и зуботычинами уговаривали его остыть, и он, сильная личность и крепкий орешек, подчинился мнению демократического большинства, утих и завалился спать под железнодорожным откосом.

Лебедь ни в какую не хотел подниматься на платформу по хлипкому трапу и навлек на себя поток упреков и праведного народного гнева: «Гляди, какой гордый, с норовом!» — «Нам ехать надо, а он выкобенивается!» — «Капризничает, поди, жрать просит». Краснов тянул Лебеда за повод, подбадривал, но тот по-ослиному упирался, переступал ногами, и задира морду. Тогда хозяин ослабил повод, рукой притянул к себе голову Лебеда и, обняв, долго что-то говорил в настороженное ухо. И Лебедь его послушал, взгрозился на платформу и смиренно ждал, пока Иван Платоныч накинет на него аркан и стропами привяжет к стойкам головой назад, чтобы на ходу не наглотился холодного воздуха. Лебедь притих и, наверное, думал, что его

для развлечения прокатят с ветерком — и обратно домой.

Краснов хотел забрать в кабину мотовоза самое ценное из того, что вместе с Лебедем вез из деревни в новую жизнь, — самодельную клетку с молчаливым насуспенным щеглом, но передумал и открыл дверцу клетки. Щегол недоверчиво выглянул наружу, повертел краснолобой головой и, благодарно чирикнув, выпорхнул на волю.

Как провожают пароходы-поезда, все знают, а Ивана Платоныча никто не провожал, и была в его отъезде печальная убогость и грусть — прожил человек жизнь, и не с кем присесть на дальнюю дорогу, и некому помахать вслед мокрым от слез платочком.

Моторист наконец сгреб костяшки домино, спрыгнул на насыпь, обошел необычный поезд и присвистнул. Потом залез в кабину, залепленную гольми бумажными девками, и отпустил тормоза. Кто-то спохватился: «Витьку! Витьку Ляпу забыли!» Сдвнувшегося, жалкого с виду дебошира заперли между рюкзаков, и он заснул крепким сном неразумного дитяти. Мотовоз и платформы дернулись не вперед или назад, не влево или вправо, а разом во все стороны. Колеса, буксуя, визгнули на рельсах, с душераздирающим скрежетом стронулись с мертвой точки и покатали прочь от Тимши. На кое-как уложенных рельсах маленький состав швыряло с боку на бок, казалось, что он вот-вот завалится под откос, но мотовоз смешной неваляшкой, спотыкаясь и подпрыгивая на стыках, наперекор всему катился то ли в даль светлую, то ли к черту на рога. Уже на полном ходу Иван Платоныч высунул голову в окно, чтобы все подумали, будто глаза у него слезятся от встречного ветра, но смотреть ему хотелось назад, на медленно исчезающую вдаль Тимшу и прожитую в ней жизнь.

На насыпи промелькнул деревянный столб-указатель. Цифры на фанерке выцвели, но Иван Платоныч знал, что это 63-й километр, и усмехнулся совпадению: ему как раз исполнилось шестьдесят три года. Еще вспомнил, что лет пятнадцать тому назад его прозвали столбовым дворянином, потому что все километровые столбы он поставил своими руками. Тогда путейское начальство задумало обновить указатели, по всей трассе с дрезины разбросали столбы, а дураков копать каменистую насыпь по сорок копеек за яму не нашлось. Отыскали егеря Краснова, сошлись в цене — полтинник за столб, и Иван Платоныч, взяв кайло, лопату и ведро с известью, отправился на заработки. Так пехом столбовую трассу и остолбил. Известку разводил в придорожных канавах, а цифри малевал сапожным гуталином. Потом и ружье стал прихватывать, чего попусту шлепать по шпалам? На насыпь тут и там вылезали глухари за... как их? — за гастролитами, что ли, в общем, камушков поклевать. Если какой мошник зазевался —

готов. Краснов и не думал таскать тяжелых глухарей на горбу, — оставлял их прямо на дороге, а машинисты тормозили и вместо глухарей ставили прямо на шпалы бутылку-другую водки. Сам Иван Платоныч до спиртного не был охоч и носил бутылку домой, а жена Настасья разводила руками: деньги в шкафу не тронуты, не клад ли водочный нашел у дороги?

Указатели за много лет облезли и покосились, иные упали, и Краснов, глядя на них, придумал каждый километр приравнивать к прожитым годам и вспоминать, что с ним происходило в пятьдесят или, скажем, в тридцать лет. И чем дальше навстречу прожитым годам-километрам мчался мотовоз, тем больше эта игра со временем захватывала Краснова, он будто становился все моложе. Но как стремительно несутся километры, а с ними и годы! Только укрупнятся, наплывут из прошлого люди и события, а уже другая верста, другое время, и знакомые лица растворяются за спиной.

В пути народ остепенился, поспокойнел, мужики достали заначку и предложили Краснову пойти на мировую, а заодно спрыснуть-освятить переезд на «новое место жительства», но Иван Платоныч думал не о дружбе с Ляпой и не о водке, а — поднимай выше — о счастье. При прощании с домом он затворил дверь слегой, перекрестился и вдруг увидел подкову, прибитую к наличнику в тот год, когда он на руках внес в дом жену Настену, еще молодую и легонкую. Краснов огляделся по сторонам, отыскивая, чем бы отодрать подкову на память, но прикоснулся к ней ладонью и понял, что счастье не вещь, его с места на место не перетащишь, оно было в этом доме, пусть здесь и остается на веки вечные.

Иван Платоныч слыл мужиком крепким, не слюняем. Откуда попутчикам в мотовозе было знать, о чем он думает, и кто из них видел, что три дня тому назад он сидел на берегу речки Домуше и хлюпал носом? Ночью ударил сильный мороз, и Краснов увидел вмерзшие в лед старые бесхозные лодки. Вот неказистая, из-под топора лодчонка шепутного Коли Сметанина, вот плоскодонка увечного моряка-фронтовика Петра Сипягина, из-за слабости к флотским фуражкам с «крабами» прозванного Капитаном, вот ветхая посудина бобылки Грани Феклистовой... Рыбы в Домуше теперь развелось видимо-невидимо, но ловцов с того света не вернуть. И надо ли? Чему они, кроме реки, порадовались бы? Краснов хорошо помнил первые, еще хрущевские вырубки, потом на их месте вырос новый лес, но и его, не успевшего войти в зрелость, дровосеки в прошлом году свели в два счета и вывезли — железка рядом, навар быстрый и жирный. Хорошо хоть, что рубили в ту пору, когда птичья молодь уже вылетела из гнезд и цветы — тихая северная отрада — успели отцвести, прежде чем трелевщи-

ки содрали с земли нежную зеленую кожу.

Тропинка от Домуши к деревне бежала аккурат мимо погоста, заглянул и туда. Черные кресты вкривь и вкось торчали из расползшихся, похожих на осенние грядки, могильных холмиков. Иван Платоныч смотрел на древнее кладбище и думал о тех, кто покоился у него под ногами. Они были уже в земле, а Краснов был еще на земле и никакой материальной связи с ушедшими не ощущал, только душевную. Все, кого он знал, любил или ненавидел, все ушли под землю, вля деревня. Через сколько-то лет рухнут и сровняются с землей последние избы, и на их месте вырастет лес. Человек пришел, погостил несколько веков и исчез, ничего вечного после себя не оставив. И зачем только приходил?

Пора домой. А куда — домой? Такой вопрос среди кладбищенской тишины звучит совсем не праздно. На глазах Краснова тихо и протяжно уходили, тонули в истории и другие деревни, не одна Тимша, и он все ждал, что произойдет нечто такое, отчего жизнь перевернется: откуда-то издалека придут чудо-богатыри или хотя бы ладные мужики и все поправят. Годы шли, а чудо не являлось. Деревни исчезали сами по себе, без особых распоряжений-постановлений, валить на простое невезение тоже было глупо, и у Ивана Краснова вышло свое, доморощенное объяснение горестного упадка: надорвался народ, просел под непосильной ношей — чудовищным пространством по имени Россия и рассыпался, растворился на миллионах квадратных километров. И от страха копадам со скукой стал сбиваться в тесные городские стада. Коммунисты здесь ни при чем, так же как и нацисты в былых несчастьях немцев, — тем не хватало жизненного пространства, а у нас наоборот. Как знать, может, все так и должно было? — думал Краснов. Нагулялись на воле, в степях да лесах, теперь — край, пора возвращаться домой, туда, откуда пришли. Да откуда?

Кто только не искал ответа на этот незатейливый вопрос! Славянофил Константин Сергеевич Аксаков, сын писателя, удумал, что родословная наших бед восходит к той поре, когда русский человек раскорячился между Европой и Азией. Аксакову не нравилось стоять в такой позе, и он люто и умно бранил Европу. Говорят, с его крылатой фразы «Пора домой!» началась русская философская наука. Увы, наша книжная мудрость никого и ничему хорошему не научила, а Константин Аксаков, любивший рядиться в «исконно русскую» одежду, был похож, по словам современников, на настоящего... перса.

О развитии отечественной философской мысли Краснов имел смутное представление, а правду сказать, о ней не догадывался, но выходило так, что он, возвращаясь из лесной Тимши в дом родителей, с какого-то бока

подтверждал сермяжное учение Аксакова.

На пятьдесят втором километре под колесами мотовоза гроыхнул под через реку Ковжа. Пятьдесят два... Чуть больше десяти лет назад ему было пятьдесят два, и он охотился на Ковже за бобрами, но уже без былого огонька, по привычке. Теперь бобров в реке — что водяных крыс, а промысловики забросили свое ремесло, — бобровый мех вышел из моды, выручишь за шкурку копейку, а наломаться на целый рубль, то ли дело раньше... Ловить бобров сетями, словно рыбу, Краснову не приходило в голову, и он видел в такой ловитве сиюминутное рвачество и паскудство. Слышал еще, что когда-то на бобров настораживали капканы со смешной приманкой — ивовым прутиком, но никогда пустяковинами не занимался, а с ружьем караулил зверей ночами. Слякотно, холодно, не добычливо, зато дешево и сердито.

На бобрах же Краснов однажды погорел, опозорился так, что от стыда бы с полгода глаз в райцентре не казал. Еще в славную и романтическую пору егерства приперлись как-то к нему няндомские горе-охотники. Краснову сразу бы сообразить, с какой бухты-барахты няндомские-то припожаловали за утками-тетеревами за тридевять земель, в Тимшу, когда у них по своим лесам дикой птицы невпроворот. А те достали баклажку со спиртом, и Иван Платоныч, с полгода не бравший в рот горячительного, окосел, обрадовался нашествию веселых охотников и отчинил пришельцам за гроши пяток бобровых шкур, еще и пару куничек в придачу. А няндомские, горлопаны и бестолочь, на станции в райцентре угодили в инспекторскую облаву и сразу нюни распустили, выдали Краснова с головой. История завертелась нешуточная, без пяти минут уголовная, и только старые заслуги, чистосердечное признание и раскаяние спасли его от кутузки или позорной «химии», но драконовский штраф выплачивал целый год.

Когда это было? А чего тут гадать, в тот год ему жеребенок Лебедь в наследство достался, значит, уже десять лет минуло. Тогда на всю Тимшу лошадь только у Ильи Сергеича Проклова оставалась, царство ему небесное, хороший человек и лошадиный был. Дед Илья всех уверял, что кобыла у него племенная, с кровью настоящих воронжских битюгов, просто не прошла бонитировку и осталась без аттестата. Ну, это он заливал, рыжих битюгов не бывает, еще и ростока кобыла уродилась не битюжьего, откуда, скажи на милость, в архангельском лесу битюгам взяться? Скорее всего, она была местных, мезенских кровей, с изрядной примесью финской или даже жмудской породы.

Звали кобылу Удачная, а ее жеребенку дед Илья, утягоченный знаниями лишь начальной школы, зато воевавший в кавалерии, дал вычурную и

непонятную кличку Лоэнгрин. «Что за Лебедрин... Чемберлен... Ландрин?» — заикаясь, спрашивали у старого кавалериста деревенские. «А черт его не знает, у нашего политрука-замполита конь Лоэнгрин был». А потом кобыла Удачная отравилась какой-то ядовитой травой, долго мучилась кишечником, исхудала до костей и пала, слава богу, что уже не кормила жеребенка-отъемыша молоком. Дед Илья сразу раскис и задарма отдал жеребенка и всю конскую амуницию Краснову, а скоро и сам тихо ушел, всего пять челонок на поминках было, Краснов похороны обряжал, как и обещал деду. Стали вспоминать, как жеребенка правильно кличут, да так и не смогли выговорить, и Лоэнгринка нарекли Лебедем. Даром что не белый и летать не умеет, но какая стать и... шея, шея как гордо выгнута! А летать научится, — на просторах-то, на свободе северной.

Взрослел и вставал на крыло Лебедь так быстро, что дедовские запасы корма истаяли на глазах. Краснов съездил в поселок, припер овса в мешках, отрубей, гороха, свеклы кормовой — все подряд метал ненасытный Лебедь. На первых порах с ним маялись, из кормушки есть не привык, в подмышку тычется, ладоны облизывает, хлебушка и сахару клянчит, ну, это по женой части. А и сам Краснов тайно баловал любимца и целовал в белую звездочку на красном лбу, и Лебедь бегал за Красновым, куда бы тот ни пошел: по воду, на покос или на реку. Но самая большая дружба у Лебеда была с лайкой, гонялись по Тимше с Урманом как сорванцы.

К тому времени леспромхоз уже дышал на ладан и лесниковскую должность Краснова упразднили, времени появилось хоть отбавляй, и он целыми днями возился с Лебедем. Привел в порядок ковальный инструмент, всякие секачи, обсечки, копытные рашпили с ножами, молотки, раздобыл большую банку ухналей-гвоздей для ковки. Сам резал гужи из сыромятной кожи, чернил их дегтем вперемешку со скипидаром, воском и сажей. Выжег на узорной фанерке имя «Лебедь» и прибил к стойлу. Всю сбрую украсил медными драпировочными гвоздями с выпуклыми шляпками, а дугу покрыл черным лаком под цвет ночного неба и золотой краской зажег на нем звезды. Среди дедовской упряжи Иван Платоныч разыскал колокольчики и бубенцы, надраил их до блеска, хотел подвесить к дуге, но раздумал, любил в лесу тишину. Что я, ямщик, что ли? — нашел он себе оправдание.

Вспомнив молодого Лебеда, Краснов расчувствовался, сквозь головы пассажиров стал высматривать в заднее окно: как он там, на платформе? И что ждет его впереди, ведь, кроме Тимши и леса, он ничего в своей жизни не видел. В поклаже, наваленной посреди мотовоза, зашевелился Витька Ляпа, высунул из рюкзаков и ягодных канов голову и тоже уставился в

заднее окно. Обернулся. «Платоныч, что ж ты над конем издеваешься? Он в поселке от тоски подохнет, отпустил бы его на волю». На Ляпу зашикали, и он опять повалился в мешки. А Краснов уже раскаивался, что на разъезде врезал ему по морде, надо было сдержаться, ведь Витьку с детства все обижали, — безотцовщина, с заячьей губой родился, вот и озлился на белый свет. Говорили, поп даже крестить его не хотел, то ли из-за губы заячьей, то ли из-за того, что у Витькиной матери в доме ни одной иконки не нашлось, забыл уж теперь Иван Платоныч. Да жив ли сам отец Николай? Надо бы спросить. В Тимше-то ни церкви, ни часовни не было, при советской власти на крестины или заупокойную отслужить поп приезжал из района втихую, облаченье в суме прятал. Конечно, все знали, куда и зачем едет отец Николай, но помалкивали. И вот что странно: в иных тимшинских избах раньше хранились иконы дониконовского письма, с двуперстным знаменем, но старообрядцами деревенские себя не считали. Старики смутно помнили, что в детстве слышали разговоры бабок и дедов о своих предках, и будто бы те, совсем уж древние предки, пришли на север откуда-то с Волги. И было это так давно, что никто не помнил, почему и зачем они, не испугавшись морозов и глухомани, явились в архангельские леса. Но все в мире движется по кругу — пора домой, пусть не на Волгу, но хотя бы из лесов и болот.

Мотовоз спешил к райцентру, а душа Краснова все еще оставалась в Тимше. «Гляди, гляди! Куница!» — крикнул кто-то, и все прильнуло к окнам. В этом месте вдоль железки тянулась осиновая грива с елями, и куница, растревоженная шумом, пошла кронами, ловко, едва касаясь веток, перелетая с дерева на дерево. Краснов, услышав охотничий клич, привычно сжал лежащее на коленях ружье, вернее, чехол с ружьем. Оно было дорогое, надежное, а вот покупной чехол для Тимши — роскошь, и он скрепил его из брезентухи и грубой дратвой прошил через край. Ружье краснозвское, пятизарядный автомат МЦ-12, хорошее, кто бы спорил, но когда-то он стрелял куниц из тозовки-малопульки и в этом ремесле мог дать фору кому угодно. Сам он раскусывал зверовых охотников «в ходу»: если очертя голову, лосем ломится, значит, через двадцать-тридцать верст язык на плечо вывалит. Другой спешит, суетится, норовит на хапок взять — тоже с носом останется. Есть увални, нытики и пижоны, ну, их-то Иван Платоныч и не считал в охотниках. Но это — в теории, потому что он предпочитал охотиться в одиночку, хоть за птицей, хоть за зверем, но куницу любил промышлять больше всего. И азарт его был несусветный, ни дождь со снегом, ни мороз или топь, ни ночь его не страшили. Поначалу он злился на куниц-конкурентов, ведь этот зверек

запросто славливает белку, давит глухарей, рябчиков или зайцев. А какой прыгун! По веткам прямо порхают, все видит и слышит, во все коряжины и дупла нос сует, по земле шустро носится, — огонь, а не зверек. Краснов долго не верил, что кроважадные куницы большие лакомки, но со временем нашел в их желудках болотную ягоду и даже рябину, а однажды еле оттащил лаяку от мордочки уже холодного зверька. Ладно бы Урман слизвал кровь, но кровью не пахло. Краснов мазнул пальцем куний нос, попробовал на язык — мед, живой мед! В тот год диких пчел как комаров было, и Краснов не хуже куниц наловчился брать в лесу дикий мед.

Своей собаки у Ивана Платоныча поначалу не было, а у тестя — бельчатница, за куницей шла из-под палки, и он долго охотился за куницей «по рону» — оброненным на свежий снег веткам, хвоинкам, древесной коре и кукте. Однако ж без собаки в лесу сукота, списался с питомником лаек и поехал за щенком к черту на кулички — в Киров. Привез черно-белого Урмана Первого (потом еще двух Урманов держал) и уж с ним спуска куницам не давал. По два-три дня без продыху их тропил по чернотропу, по снегу, по мерзлым болотам и берегам рек — где придется. Все рекорды районные, а потом областные побил, в один сезон сдал сорок четыре шкурки куньих. Его вызвали в Москву на ВДНХ и в павильоне звероводства и охоты наградили памятной медалью и грамотой. Он тогда после мягкой северной земли вдоволь набегался по асфальту и потом долго мучился ногами. Грамот у него хватало местных, а за медаль жена расцеловала. Похвастался сыну в письме, а тот ответил, что ему тоже медаль дали, в честь какого-то юбилея Вооруженных сил.

Бог его знает почему, но те медали вдруг обернулись черной стороной, и в один год умерли тесть с тещей, а следом и родители Ивана, — столько горя они с Настей не хлебали во всю жизнь. Один сын у них остался, и тот после военного училища скитался где-то по гарнизонам, погостить приезжал редко, и Настасья просила его ходить на деревне в форме, а народу в ней тогда была чертова дюжина — тринадцать душ, да и те больше по домам на печках спали. А потом сын и вовсе осел при штабе в далекой и чужой Риге — отрезанный ломоть, внучек — Машу и Регину — всего-то и видели пару раз.

Иван Платоныч опять принялся считать дорожные столбы. До конца пути оставалось двадцать пять километров... двадцать три... уже двадцать... В двадцать лет его забрали в армию. Начальник ДОКа, где он плотничал, мог устроить отсрочку, а на кой она сдалась, годом раньше, годом позже... Войны тогда не было, но на службу провозжали как в боевой поход. Уже в Вологде деревенскими парнями набили эшелон и в стылых теплушках

повезли расхристанных, ни в бога, ни в черта не верящих призывников за сто первый, тысячный — велика Россия — километр и еще дальше, и они ехали, оставляя позади все, что было, и еще дальше, навстречу тому, что будет. Вагоны цеплялись-отцеплялись, а Иван все ехал и думал, что его, охотника, везут в сибирскую тайгу, в особую разведшколу, где подготовят для вылазок в китайский или японский тыл с секретными заданиями. В конце концов он угодил в сонную обслугу резервной летной части под Красноярск и три года сторожил (охранял — звучит слишком громко) зачехленные самолеты, и за всю службу всего три раза палнул из карабина.

За безупречную статью и выpravку Краснова прозвали штабс-капитаном, но сослуживцы, особенно бойцы-узбеки, не верили, что он до армии свалил двух медведей. Ивана это крепко задевало, но ведь и он смеялся над узбеками, когда те врали, что дома ели дыни и виноград с утра до вечера и сколько влезет. Увольнения давали только в военный городок, а в отпуск Ивана не пустили, так что целых три года он видел лес в ясную погоду на далеких хребтах и мечтал, что, отслужив срочную, дома непременно устроится на лесную работу.

В жизни все произошло даже лучше, чем мечталось. Совсем немного щеголял дома в парадной форме сержант Краснов, маленько пображничал с друзьями и встретил свою Настену, выпускницу интерната. Родом она была с таежного полустанка, из далекой древней деревни в десять дворов, больше похожей на хутор. И свободолюбивый парень попал в плен к веселой Насте, и пошел за ней на край света, — в деревню с тихим именем Тимша, пошел в примаки, но никогда об этом не жалел.

Эх и жизнь понеслась! Мало того что тесть работал лесником, так он еще и ружье с плеча не снимал, чуть ли не на соцсоревнование зятя вызвал. И Иван с головой ушел в лесную жизнь, устроился в лесхоз помощником таксатора, а заодно стал егерем и промысловиком. Первые годы не вылезал из тайги, срубил аж три зимовья, наладил путики, разведаль-обнюхал самые дальние уголья и скоро знал наперечет не только количество всех зверей, но различал по следам старых и молодых, больных и увечных, самок и самцов. В это светлое время в Тимше появился Василий Иванович, сын Васятка, будущий охотник, как загадывал Краснов, кто ж думал, что Вася пойдет по военной части и спустя много лет станет иностранцем? Какая гадалка могла тогда предсказать, что у одних жизнь пойдет кувырком, а у кого-то прахом?..

Мотовоз, не останавливаясь, все спешил и спешил к поселку, и время в воспоминаниях Ивана Платоныча, обратившись вспять, докатилось до детских лет. Из школьной поры отложилось немного и тускло: большая про-

жорливая печка в углу класса, зимний иней и льдышки на стеклах, мигающие из-за перебоев движка лампочки. Еще школьные завтраки с жидким чаем и холодными черствыми пирожками с кислым повидлом, всегда неожиданные и желанные перерывы в занятиях, когда вся школа слушала по радио важные сообщения из Москвы или обычные новости. И постоянное, томительное ожидание весны и света, а еще больше — лета и тепла, когда начиналась самая веселая житуха.

В старые годы лес с делянок вывозили на конной тяге, и в леспромхозовской конюшне всегда стояли лошади: кобылы с жеребятами, те, что сбили ноги на лежневках или просто

не были в работе. Конюх-сторож Влас, слегка пришибленный и глухонемой, порядок в конюшне вел строгий, лошади его побаивались и скучали по ласке. Иван так и не подружился с конюхом, но тот одобрительно мычал, когда мальчишка таскал хлебные корки и завернутый в газету колотый сахар, хотя сам лошадей никогда не баловал. В конюшне всегда было тепло, пахло овсом, соломой и конским навозом, но совсем не противно. Ваня рассказывал Власу, что когда-нибудь у него будет свой конь, и он будет его холить: чистить, расчесывать гриву с хвостом и кормить-поить, а сбрую справит узорчатую, с блестящими клепками, какую он видел, когда ез-

дил в Коношу на Масленицу и катался на тройке. Конюх пристально следил за губами и жемами Вани, согласно кивал головой, но не мог ему объяснить, что он тоже в детстве мечтал о своем коне, а пришлось всю жизнь ухаживать за чужими.

Не сразу, но стали отпускать Ивана со старшими ребятами в ночное. Вспомнив мгlistые вечера и туман на лугу, ночную сыр у реки и утреннюю росу, Краснов умиротворенно поехал. Раки! Раков ловили в норах под берегом и варили на костре из коровьих лепех в большом казане, украденном из станционного буфета. И пугали друг друга жуткими историями, лешими-шишигами и тем, что будто бы кто-то видел, как глухонемой конюх Влас прятал в темном углу конюшни окровавленный мясницкий топор.

Стрелять Иван научился еще пацаном. Отец, любивший прихвастнуть и на трезвую голову, после шкалика-другого приходил в несносное завиральное состояние, и главной фантазией родителя была его необычайная меткость в стрельбе, хотя охотник из него был ни два ни полтора. Как только Краснов-старший вспоминал о ружье, домашние подавленно смолкали, но остановить его никто не смел, и он снимал со стены двустволку. Дом Красновых притулился в самом конце кривококой улицы, считай, на отшибе, спрятанный от другого жилья за бугром, но ружейная канонада из-за игры эха гулко отзывалась во всем поселке, и отцу это льстило. Правда, никто не вздрагивал и к месту происшествия не спешил, все знали, что это маленький Ваня подбрасывает бате банку. Платон Краснов вовсе не был бузотером, так... говорливый враль, поэтому до его снайперских утех никому не было дела, а единственный милиционер в поселке доводился ему свояком. Но однажды случилось так, что свою бахвальскую пальбу он прекратил раз и навсегда. В тот день отец крепко перебрал, неверные руки выводили стволами замысловатые кривулы, сын засмеялся, и Платон сунул ему двустволку: «Ну-ка, попробуй! Зчас поглядим...» Он для веса положил камень в ржавую банку и зашвырнул в небо. Ваня навскидку выстрелил, жестянка со свистом улетела далеко за огороды, а отец причмокнул пьяными губами, отобрал у сына ружье и ушел в дом.

Воскресным утром он растолкал Ваньку, повесил на плечо ружье и, прихватив патронташ, пошел с сыном к скотомогильнику, где с гнусным карканьем кружило бесноватое воронье. И получилось так, что Ванька обстрелял отца и стал первым стрелком, но, в отличие от отца, стрелком тихим и неразговорчивым. В шестнадцать лет он застрелил волка и добыл лося, а еще через год — двух медведей, и вся школа им гордилась, а мужики в поселке звали его теперь только Иваном. Отцовское ружье служило ему верой и правдой много лет, пока он не

утопил его нечаянно в речном омуте. Два дня скреб кошкой по дну, да все впустую, осталась отцовская память лежать навечно в реке Домуше. Как давно все это было...

Мотовоз миновал столб с цифрой «5», последний из уцелевших. На подъезде к поселку, куда уже показалась макушка водонапорной башни, столбы давно попадали или их повалили и сожгли на дрова. В зыбком мареве детских лет поблекли и растворились воспоминания Ивана Платоныча, он стал думать о дне сегодняшнем и вглядываться в новую жизнь. На окраине райцентра, куда подкатил мотовоз, желдорветка примкнула к северной магистрали. У стрелки на лесобирже копошились работяги, под кран-балками высились горы древесного хлама и щепы, штабеля подтоварника — горбатого нестроевого леса. С надрывом визжали циркулярки, рывал бульдозер, сгребая в кучу ржавое железо и обломки сгоревшего склада-навеса.

Моторист подрулил маленький поезд в тупик к дощатому настилу под разгрузку, отцепил две платформы и укатил на станцию. Кто-то из попутчиков крикнул, чтобы Краснов не забыл позвать на новоселье, другие, даже треклятый Ляпа, вызвались на помощь, но Иван Платоныч отмахнулся и остался один, авось, кто-нибудь из дальней родни подойдет.

Лебедь никогда здесь не был и удивленно тарачил глаза, прядал ушами от шума. «Ну, вот и все, вот и добрались, вот и приехали домой», — бормотал Краснов, освобождая коня от строп и безучастно глядя на свои деревенские пожитки, в поселке нелепые и никчемные. Груда ветхого барахла — вот и все найтвое им имущество. Выглядело оно жалко, и Краснову открылась ничтожная суть вещей, прежде необходимых и дорогих.

Он взял коня за узду и осторожно спустился с ним по настилу в грязную лужу с перламутровыми разводами от солярки или еще какой-нибудь дряни. Лебедь наклонился было попить, но брезгливо фыркнул и доверчиво положил голову на плечо Ивану Платонычу. Отпустив узду, Краснов припал щекой к горячей лошадиной морде и зашептал что-то заветное и ласковое. В этот момент по магистрали встреч друг другу загрохотали два грузовых состава, и конь не мог расслышать слова хозяина, но отчего-то, словно человек, готовый расплакаться, часто часто захлопал мохнатыми ресницами. Краснов все говорил и говорил, потом на полуслове замолчал, и Лебедь, пряча глаза, мягко боднул Краснова в грудь, тут же отпрянул, встал в свечку и, запрокинув голову, с места в карьер помчался-полетел назад в Тимшу, домой, прочь от грохочущего железа и мазутных луж, туда, где вечная тишина и покой, где росные луга и речка Домуша с холодной и вкусной водой.

Рисунки Б. Игнатъева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Собака в городской квартире. М.: ООО «Издательство АСТ»; Донецк: «Сталкер», 2003. — 284 с., ил.

Читатель сможет определиться в выборе породы, узнает, как и где лучше приобрести щенка, как за ним ухаживать, чем кормить, как выбрать для него место в квартире.

Симаков В. В. Беловежская пуца: 1902–2002. — Мн.: Ураджай, 2002. — 232 с. ил.

Данная книга стала своего рода продолжением уникальной монографии Г. Карцева «Беловежская пуца», увидевшей свет сто лет назад. Настоящее издание посвящено историческим событиям, произошедшим в этом неповторимом уголке природы в XX веке.

Прошедшее столетие было самым бурным в жизни пуцы, когда она из царских охотничьих угодий превратилась в Национальный парк Республики Беларусь. Автор, который работал в Беловежской пуце ученым секретарем, директором музея природы и заместителем генерального директора по научно-исследовательской работе, сделал все, чтобы читатель проникся чувством красоты этого древнейшего леса, познакомился с его фауной и флорой и не остался равнодушным к этому природному и историческому достоянию народа.

Драгунов М. Е., Дерюшев И. Е., Михайлов Л. Е. Спортивное оружие. Ижевское оружие. Т. 2. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. — 312 с.

Книга посвящена развитию производства спортивного и охотничьего нарезного оружия, становлению ижевской оружейной школы, которая заслуженно получила широкое признание во всем мире.

Даны подробные описания конструкций спортивных пистолетов и винтовок, а также охотничьих карабинов серий «Лось», «Барс», «Медведь», «Изюбр», «Тигр», «Сайга».

Для лучшего понимания работы конкретных моделей оружия в книгу включены главы об общем устройстве оружия, патронов, работе отдельных механизмов.

Стрижка собак. Самоучитель. М.: Изд-во ЭКСМО Пресс, 2002. — 5000 экз. 224 с. ил.

Даны подробные описания по уходу за шерстью более чем 30 пород собак. Наглядные иллюстрации позволяют освоить технику и приемы повседневных и выставочных стрижек для вашего любимца. А рекомендации по содержанию собак различных пород, даваемые лучшими собаководами России, помогут вырастить здорового и красивого питомца. Приведены стандарты Международной кинологической федерации и Американского клуба собаководства, характеризующие все требования к внешнему виду собак — участниц выставок.

Академик охотничьей живописи

Валерий ПАНКРАТОВ

Пожар, как всегда, вспыхнул неожиданно, да еще и ночью. Дом владельца конного завода Я. И. Бутовича в Прилепах Тульской губернии сгорел дотла. Это случилось 31 декабря 1913 года. Хозяин, конечно, горевал, но одновременно и радовался. Вся его шикарная коллекция так называемой «иппической» живописи была спасена. Гостивший у Бутовича в то время знаменитый живописец Н. С. Самокиш лично вынес из горящего особняка десяток лошадиных портретов Н. Е. Сверчкова. Вообще же разбуженный криками «пожар!» Самокиш первым делом схватил прекрасную картину В. А. Серова «Портрет рысака Летучего». Затем перенес в безопасное место два батальных этюда и картину «Затравили» А. Д. Кившенко. И страстный коллекционер Бутович, и Самокиш высоко ценили творчество этого талантливейшего русского художника, баталиста, жанриста и блестящего изображителя охотничьих сцен.

Алексей Данилович Кившенко (1851–1895)

Жизненный путь уроженца Белевского уезда Тульской губернии Алексея Даниловича Кившенко (1851–1895) сложился, кажется, без видимых трудностей. Его отец, управляющий конным заводом в имении графа Шереметева, не мешал развитию природных способностей сына. Девятилетним мальчиком Алексея отправили в Петербург, где он пел в хоровой капелле и учился в рисовальной школе. И. Н. Крамской заметил талантливого ученика и в 1867 году помог ему поступить в Академию художеств. Первые успехи пришли очень быстро. В 1876 году Алексей Данилович получил Малую золотую медаль за программу «Самсон и Далила», а через год — Большую золотую медаль за «Брак в Канне Галилейской».

Для своей второй картины на Большую золотую медаль молодой художник выбрал тему Отечественной войны 1812 года. Воздействие романа Л. Н. Толстого «Война и мир» стало для Кившенко главным побудительным мотивом в выборе сюжета. Выполненная в 1880 году картина имела ог-

А. Кившенко. Спор об убитом медведе

ромный успех у широких кругов русской общественности и была повторена через два года для П. М. Третьякова. Воспроизведения с нее разошлись в тысячах экземпляров по всей России. Существует акварельный вариант композиции «Военный совет в Филях в 1812 году», значительно отличающийся от картины и предназначенный для альбома «Отечественная история в картинах», изданного в том же 1880 году. Кившенко удалось передать сосредоточенное и напряженное настроение, царившее на этом историческом совещании в Филях 1 сентября 1812 года. Художник создал характерные образы М. И. Кутузова и других генералов русской армии. С момента появления этой картины на выставке Кившенко становится одним из самых популярных русских художников.

Получив право на заграничную поездку, Алексей Данилович сразу после закрытия выставки уехал из России и провел четыре года, напряженно работая в Дюссельдорфе, Мюнхене и Париже. Там он создает серию интересных картин из европейской жизни, которые были проданы в Германию и Англию. Полотно «Окрестности Мюнхена» было

куплено государем. Вспоминая родную тульскую землю, Кившенко за границей пишет знаменитые охотничьи картины: «Охота на зайца» и «Охота на лисицу», приобретенные великим князем В. А. Романовым. «Псарный двор» уходит в Англию. Будучи сугубо русским человеком, Алексей Данилович постоянно испытывает ностальгию и в 1881 и 1882 годах навещает своих друзей в России. Гостя в имении Черткова в Воронежской губернии, Кившенко страстно увлекается охотой и пишет многочисленные охотничьи этюды.

По возвращении домой осенью 1883 года Кившенко продолжает усердно работать, черпая сюжеты исключительно из русской жизни. Великий князь М. Н. Романов покупает его «Волк идет», «Сбор гончих» и «Погоню за лисицей». «Преследование» достается императору Александру III. «Охоту на диких коз» выбирает для себя граф Шереметев.

Охотничьи сюжеты Кившенко обратили на себя внимание императорского двора. К тому же в 1884 году именно за охотничьи сцены художник получил звание академика. Государь сделал ему предложение написать несколько больших батальных картин на тему рус-

ско-турецкой войны 1877—78 годов для военной галереи Зимнего дворца. Для ознакомления с натурой Кившенко ездил в Закавказье, Болгарию и Турцию, где подготовил ряд этюдов. Эта поездка чуть не закончилась для него плачевно: турки приняли его за шпиона и третируют соответственно. Батальный цикл был закончен им в основном во второй половине 80-х годов при Александре III. Брат царя Владимир Александрович, президент Академии художеств, строго следил за привлеченными к созданию галереи батальных картин художниками, требуя от них точного изображения героев и местности, где проходили сражения. Известен случай, например, когда эскиз картины Кившенко «Поражение армии Мухтара-паши»... не был принят из-за возражения в. кн. Михаила. Последний разъяснил автору, что он приехал на позиции в темное время, практически не участвовал в бою, в связи с чем предложил изобразить действия артиллеристов, а его самого на картине не показывать.

Все картины Кившенко на сюжеты кампании 1877—78 годов отмечены естественностью, лишены нарочитых эффектов, типичностью образов русских

А. Кившенко. Спускают свору. 1894

А. Кившенко. Затравили

А. Кившенко. По тетеревиным выводкам. 1888

солдат и офицеров. Работы не лишены и некоторых живописных достоинств. Положительно сказался здесь и некоторый опыт художника-пейзажиста, приобретенный Кившенко при воспроизведении многочисленных охотничьих эпизодов.

Свои лучшие произведения Алексей Данилович создает в восьмидесятые годы. В девяностых годах он работает мало, часто болеет, последние два года жизни всецело отдается преподаванию в Академии. В истории русской живописи, по-моему, нет такого другого случая, когда бы звание академика присваивали исключительно за картины на охотничью тематику. Разгадка этого феномена лежит в той обстановке, в которой рос юный Кившенко. В «Каталоге моей жизни» Я. И. Бутович с отеческой нежностью описывает детские годы Алексея Даниловича, проведенные в деревне. Именно здесь зарождается любовь художника к лошади, охотам и собакам. «Позднее, — почти с благоговением пишет Бутович, — в своих охотничьих картинах, столь многочисленных и таких удачных, воспоминания юности воскреснут с полной силой, и Кившенко будет неизменно писать пожелтевшие, оголенные, осенние поля родной Тульской губернии». Даже неискушенному зрителю видно, с какой наблюдательностью и верностью натуре художник воспроизводит пейзажный мотив в картине «Затравили», украшающей стены Музея коневодства в Москве. Лошадь, волк и собаки тоже написаны замечательно. Все участники сцены, включая охотников, показаны в динамике, что придает правдивость охотничьей сцене в целом.

Как Н. С. Самокиш, Н. Е. Сверчков, П. О. Ковалевский, А. П. Орловский и другие, Кившенко мастерски писал лошадей, правда никогда не писал их портреты. Шереметевский конный завод, основанный еще при Петре Великом, во второй половине XIX века переживал новый подъем. Юный Алексей ежедневно общался с многочисленными представителями прекрасных пород этих умных и красивых животных. Шереметевские кони представляли собой смесь европейских, американских и русских пород, отличавшихся «капитальностью», а потому легко узнаваемых, в том числе на картине «Затравили» и других полотнах Кившенко.

Мастер писал не только маслом, он блестяще владел и акварельной техникой. В Музее коневодства имеются четыре его акварели. Им исполнено немало рисунков для различных иллюстрированных изданий, преимущественно охотничьих сцен, сделаны рисунки для нескольких рассказов Л. Н. Толстого. Кроме Музея коневодства произведения Кившенко хранятся в Русском музее, Третьяковской галерее, в различных военно-исторических музеях страны.

С написанной в 29-летнем возрасте картины «Военный совет в Филях в 1812 году» фактически началась слава

А. Д. Кившенко. Он стал популярен практически во всех слоях русского общества. В наше время любой школьник знаком как минимум с ее репродукцией. Кившенковские картины пользовались поистине широкой популярностью среди меценатов и коллекционеров России конца XIX — начала XX века. Цена его картин на аукционах в излюбленном трактире на Садовой часто превышала десять тысяч рублей, а перепродавались они еще дороже. Экспонирование «Военного совета в Филях...» на выставке в Берлине в 1886 году принесло ему европейскую известность. Ценители русской живописи в странах Европы отмечали безус-

ловный талант мастера, с удовольствием приобретая его полотна.

Карьера Кившенко представляется триумфальным шествием по жизни, лишенным терний и сомнений. На самом деле редкий талант сочетался у него с исключительным трудолюбием. Скромное существование на первом этапе жизни и напряженнейший изнурительный труд подорвали его слабое здоровье: он прожил неполные 44 года. Прошло более ста лет с тех пор, как его не стало. Но творческое наследие академика охотничьей живописи не забыто: интерес к нему продолжает расти. И будет расти до тех пор, пока в России есть охота и охотники!

А. Кившенко. На тяге. 1890-9

РУССКИЙ ОХОТНИК В КАЛИФОРНИИ

Тина отыскала фазана буквально через пять минут

Б. МОРОЗОВ, фото автора

Ружье

По ружью я затосковал на американской земле почти сразу. Разведдал местные порядки и выяснил, что, оказывается, для приобретения ружья и занятий охотой надо хотя бы немного знать по «аглицкой части». Процесс получения разрешения (лайсенса) на охоту состоит из двух экзаменов-испытаний: сдачи некоего подобия нашего охотничьего минимума и стрельбы по мишени. Стрелять-то можно молча, без знания языка, а вот беседовать об охоте на английском...

Вначале я решил купить ружье, а потом уже сдавать экзамены. Охотничье оружие в Калифорнии можно купить без всяких проблем, кроме одной: рядовые горизонталки и вертикалки российского (раньше — советского) качества «тянут» самое малое на 1100 долларов. Потолок качества, а значит, и стоимости практически не ограничен, но, увы, такое оружие для меня недоступно. А так как хотелось стрелять из хорошего ружья, я решил «прошерстить» комиссионки. Разыскал в справочнике магазина и поехал в первый попавшийся, прихватив с собой пустую гильзу для определения качества сверловки стволов. Захожу в магазин, приглядел ружьецо, прошу показать. Достал из кармана пустую гильзу без капсюля, вставил ее в патронник... Хорошо, что в этот момент посмотрел на продавца, — тот уже схватился за пистолет на поясе (они

здесь все вооружены). Я поднял руки с ружьем вверх, мол, сдаюсь и заорал: «Не стреляй!» Потом-то я, конечно, показал ему пустую гильзу и все популярно объяснил, но с нашими российскими замашками здесь можно сесть в глубокую калошу.

В конце концов я выбрал вертикалку «Браунинг» (привычных Ижей и ТОЗов в магазине никогда не было, и о них никто ничего не слышал). «Браунинг» мой — ружье как ружье, неудобство только в том, что на два ствола один спусковой крючок, а предохранитель работает по принципу «влево-вправо», а не «назад-вперед». Конечно, лишняя суета с непривычки, но теперь при стрельбе по фазанам я, как правило, вторым стволом не пользуюсь. Это не хвастовство, просто стрельба по фазанам из-под собаки довольно примитивная.

Перед покупкой ружья я продал свою «Хонду» как раз за нужные мне 1100 долларов. К счастью, Рита (жена) не возражала, хотя деньги, как ни крути, приличные, тем более для моего советского мышления, очень трудно было сопоставить цены. Ужас какой-то: «Хонда» высокого класса, на ходу (хоть и не новая) — и обычное ружье. Я сразу вспомнил советские «Жигули», стоимость которых, даже подержанных, превышала стоимость моей «ижевки» в 50 раз! Чтобы спокойно воспринимать американские реалии и масштабы цен, надо привыкать очень долго, не один год.

Покупка ружья стала первым пунктом моей охотничьей программы, впереди — экзамены. При магазине, в котором я купил «Браунинг», есть курсы по охотничьему минимуму. Требовалось внести немного денег и купить книгу с вопросами-ответами. В ней около двухсот страниц обычной информации: типы ружей, номера дроби, виды разрешенной и запрещенной к отстрелу дичи, правила обращения с огнестрельным оружием и прочие сведения, — для охотника со стажем все легко и понятно. Правда, только на рисунках и фотографиях, а на усвоенные технической терминологии на английском языке у несведущего человека из России ушел бы целый год (сужу по жене и дочери). Я бы эту книгу одолел быстрее, но вот задача — специалист по охоте должен был читать лекцию уже через неделю, так что пришлось изрядно попотеть со всякими треклятыми словарями, в которых по оружейной части не так уж и много информации.

Лектор, похоже, охотой и подготовкой к экзаменам попросту подрабатывал, поэтому лекцию назначил на выходной день в небольшом классе при оружейном магазине. Приехал я пораньше, волнуясь, как двоечник. Публика подобралась разного возраста и пола: взрослые мужики, молодежь, три-четыре женщины, какие-то ребяташки с родителями — всего человек тридцать. Я напрягся и стал слушать лектора, стараясь домысливать то, чего не понимал. Потом показали «страшный» фильм о выживании в дикой природе, и я подумал: заслать бы вас, пижонов, в нашу костромскую губернию на весеннюю охоту. Они в кино замерзают, обмораживаются и чуть ли не гибнут в осеннем лесу! А я вспомнил своего старого приятеля, когда он в апреле трижды переходил в разлив реку по грудь (в одежде!) и после этого спал у костра на снегу под елкой. А янки — тепличные душонки.

Шесть часов я слушал английскую абракадабру для начинающих охотников, прежде чем до меня дошла суть экзамена: всего 100 вопросов, и на каждый имеется четыре ответа под литерами А, В, С, Д. Как и на «гаишных» экзаменах, хитрость в том, что все варианты ответов крутятся вокруг одного правильного, а все другие ответы очень похожи, на 95 % похоже. Смысл самих вопросов простецкий, как амeba, но это для американцев. Мне же надо было безошибочно перевести

Собака

вопрос с английского на русский и правильно ответить опять по-английски. Если бы я не был охотником с 30-летним стажем и не разбирался в ружьях, то провалился бы с треском. Но сдавать экзамен вместе со стрельбой предстояло на следующий день.

Утром, проехав около семидесяти километров, я нашел стрельбище в каком-то безлюдном ущелье. Приехал очень рано, но далеко не первым. Поставил машину, пошел посмотреть что и как, а там уже стреляют. Мужички от шестидесяти до восьмидесяти лет, пенсионеры, лихо лупили по тарелочкам. Рядом со стрельбищем два охотника натаскивали молодого курцаара с помощью электрического ошейника. Один янки доставал из большой металлической сетки голубя и, помяв его, бросал на землю, и тот, ошарашенный, сидел неподвижно. Курцаар подходил к нему и делал стойку, а если нет — тут же получал через ошейник сильный электрический удар от хозяйина с пультом управления и останавливался как вкопанный. За это время оклемавшийся голубь взлетал, и хозяин преспокойно доставал его дробью. Пес бежал, брал голубя и приносил птицу к ногам стрелка. Я так увлекся созерцанием этой изуверской, но действенной натаски, что чуть не прозяпил собственные испытания по теории и практической стрельбе.

Погода (стоял февраль) была похожа на майскую в Москве — не жарко и не холодно. Я с грехом пополам договорился с главным экзаменатором, что отвечать на вопросы буду со словарем. Он долго не соглашался, пока я не объяснил, что ему тоже было бы сложно сдавать экзамены по-русски. Он все никак не мог понять, зачем ему-то надо сдавать экзамены, да еще по-русски, но наконец до него дошло, и он даже рассмеялся. В общем, по времени я успел ответить на 85 вопросов из 100 и как раз уложился в норматив. Переживал, как школяр, но все-таки преодолел этот барьер.

Испытания по стрельбе были, конечно, не профанацией, но зрелище являлись забавное: тридцать будущих охотников выстроились в линию и по очереди стреляли по угонным тарелочкам. После второго попадания рядом меня выгнали из стана стрелков, и я стал зрителем. Одному мальчонке лет десяти с игрушечным ружьем и патронами, похожими на батарейки для транзистора, дали стрельнуть 10 раз (не то что мне — старому дядьке, да еще русскому), и мальчишка не промахнулся ни разу! Тут я впервые пожалел, что у меня нет внука, хотя в тире были две маленькие девочки такого же возраста, и они тоже стреляли без промаха. Дети могут сдавать экзамены, но охотиться им разрешают только под наблюдением взрослых.

Когда мои чада (дочь с мужем) обзавелись жильем, у них сразу возникло желание заиметь собаку (почему-то не детей, а именно собаку). Зять в охотничьих делах ничего не смыслит, поэтому стал говорить, что в детстве у них в доме была собачка, похожая на колли, и лучше этой породы на свете нет. Я же втайне мечтал об охоте с настоящей подружейной собакой и сразу сообразил, что никакой колли в этом деле, мягко говоря, не уместен. Моя «китайская» дипломатия свелась к тому, что самые умные, преданные,

Я расхрабрился и взял путевку на трех петухов, а добыл четырех

послушные и ласковые собаки, конечно же, охотничьи. И еще они самые красивые, тут и спорить нечего. А когда покупка собаки, «похожей на колли», стала неотвратимой реальностью, я, отбросив дипломатию, веско заявил, что эту «вонючую» колли не то что не буду выгуливать, но даже ноги моей не будет в доме, где поселится это «чудовище».

Время становилось все более тревожным, на горизонте явственно маячил монстр, «похожий на колли», и тут я обнаружил в газете объявление о продаже щенков курцаара и сообщил дочери, что надо бы съездить и «просто посмотреть» собачек. Владелец щенков жил в 75 милях от Лос-Анджелеса среди пустынь и гор. Пока добрались и нашли нужный дом, прошло около двух часов и разговоры о собачьих пристрастиях поутихли. Приехали на маленькую ферму, хозяин которой держал лошадей, боров, коз, пару собак и всякую птицу. Пошли смотреть щенков.

На зеленую лужайку возле дома из калитки выкатились шесть шоколадных и пятнистых шариков. Щенкам было уже по три с половиной месяца, но вначале хозяин показал родителей: отец —

кофейного окраса, мамаша — шоколад со светлыми пятнами. Мне захотелось взять пятнистого мальчишка, но все кобельки были кофейной масти. Увидев безнадежность в глазах зятя, я с дальним прицелом поинтересовался, какой из щенков ему нравится, на что тот ответил: «Самый умный». Хозяин для просмотра переместил всю ораву на участок с бассейном, закрытым прозрачной пленкой. Пятеро щенков бросились в бассейн, а одна сучонка уселась на бордюр и с любопытством наблюдала, как хозяин вытаскивал всю щенячью братву, барахтающуюся в пленке. Зять почесал затылок: «Убедили, давайте возьмем вот эту, кажется, она умнее других», на что американец сказал, что самого умного щенка уже забрали. Он запер всех остальных щенят в загоне и показал, на что способна выбранная нами пигалица.

Фермер взял длинную удочку с фазаньим крылом вместо крючка и стал волочить его по траве, и наша маленькая мартышка сделала стойку и замерла — офонареть можно! Собачку мы тут же забрали, а фазанье крыло фермер нам не отдал, объяснив, что неподалеку есть охотничий клуб, где собираются местные охотники, там этого добра (фазаньих крыльев) навалом. Фермер дал мне свою визитку с телефоном клуба, и мы уехали. Прямо в машине решили назвать собаку Тиной, в честь старушки Тинки, оставшейся в Москве.

Дома маленькая умница Тина сразу же понеслась вскачь по комнатам и с ходу врзалась в стеклянную дверь, выходящую в сад. Отлетев назад, она сначала обиженно заворчала, а потом залаяла на дверь, осторожно ее обнюхала и больше своей ошибки не повторяла. На следующий день дочь привезла специальный металлический загон, что-то вроде клетки. Бог мой, что устроила крошка Тина! Она металась как дикий зверь, расекла себе губу, но загон перевернула, выскочила на волю и тут же спокойно уснула на полу. Пришлось загон везти назад.

Больше года я ежедневно занимался с Тиной. Возил ее в собачий парк, где она по два-три часа играла с сородичами, ездили и подальше — к океану, в горы и на речку поплавать. В год она хоть и выглядела подростком, но уже была физически крепкой и очень подвижной.

Охота

До настоящей охоты в угодах у меня никаких радужных мыслей о способностях Тины не было. Но вот, заказав место охоты по телефону (здесь без предварительного заказа никакой охоты не бывает), что с моим английским настоящая мука, я поехал на Первую Охоту. Поднялся на два часа раньше, чем загадывал, сложил всю амуницию-провизию в машину и потихоньку

Если Тина находит фазана, то делает стойку, а иногда просто ждет, пока я подойду ближе

отправился в неведомые для меня края. Вещей набрался целый ворох, но главная из них — веревка для Тины, чтобы не отпускать собаку слишком далеко.

К воротам охотничьего хозяйства мы приехали задолго до назначенного срока, так что было время осмотреться. Угодья расположены среди больших пологих холмов, поросших травой и редким кустарником — прибежищем фазанов. Из всей охотничьей литературы я в Америку захватил только незабвенного Сабанеева, у него и прочитал кое-что о фазанах. Прав был старина Сабанеев: летать они не любят и собаку держат очень долго, но знаменитую свечку (сейчас я фазанов пострелял изрядно) здесь почему-то не делают. Может быть, здешние фазаны какие-то особенные? Я здесь смотрел версию «Анны Карениной» по-американски — да... Когда сотня карикатурных баб-матрешек в кокошниках гуляла по полю и пела протяжные песни (по-русски!) — это мне даже понравилось, но охота Левина со Стивой Облонским — это «нечто особенное»! В кино они стоят на границе леса и поля, и вдруг из лесной российской чащи вылетают... фазаны! Уж лучше бы Левин охотился на «голубого песца на ветке» из журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Так вот, ворота в хозяйство стоят на дороге прямо посреди поля, а забора никакого нет — смешно. В урочный час подъехал егерь, открыл замок (!) на воротах, и мы поехали в офис (охотничий домик), хотя ворота можно было объехать с любой стороны, а замок не открывать. В конторе висят чучела уток, гусей и другой живности, есть даже голова бизона, но в хозяйстве продаются путевки только двух видов: 65 долларов (три фазана-петуха) и 55 долларов (фазан-петух плюс курица плюс чикар (местная куропатка)).

Дома я смотрел рекламные видеокассеты об организации охоты в американских хозяйствах. Обычно клиента отвозят в угодья и бросают «на произвол судьбы» — сам ищи дичь и охотись как знаешь. А здесь птицу держат в вольерах и выпускают у тебя на глазах. Я поехал вслед за егерем, на участке он

дал мне знак остановиться, а сам отправился дальше и метров через 200—300 выпустил из клетки дичь. Птицы, естественно, разлетелись в разные стороны, и дальше начинается собственно охота. У меня поначалу возникло подозрение, что эти домашние фазаны возвращаются к вольерам, хитрый хозяин опять их продает и так далее — этакий «перпетуум-мобиле капитале». Но со мной этот номер не пройдет, не на того напали! И тут же представил, как наш егерь Тимофеич где-нибудь под Ярославлем вдруг выпускает на волю из корзины диких косачей-сорванцов и — ищи ветра в поле!

С фазанами другая история, тут сразу видишь разницу. Фазаны, отлетев на сотню-другую метров, сразу же садятся на землю, причем издали кажется, что на совершенно голую землю, но это не так. Я за ними наблюдал в бинокль: прячутся в кусты либо мгновенно, либо отбежав в сторону метров на пятьдесят. В кустах фазан сидит так крепко, что без собаки вытоптать его практически невозможно.

Для первого раза я взял путевку на фазана-петуха, курицу и чикара. Егерь показал мне границы довольно большого участка охоты, обычно они проходят по дорогам и по грядам холмов. На соседнем участке тоже кто-то охотится, но птица о границах ничего не знает и иногда сразу улетает к соседям, но ход туда закрыт — можно получить по шапке.

Егерь выпустил птиц и уехал, а я решил пока не брать собаку на поводок, пусть маленько порезвится и освоится. Зарядил ружье, наметил план охоты с таким расчетом, чтобы Тина поняла, зачем мы сюда пожаловали. Оглянулся, а ее уже след простыл, бегают слюня голову по всей огромной территории какими-то гигантскими зигзагами и кругаями. В общем, в эту Первую Охоту фазаниха улетела неизвестно куда, чикара я поднял и застрелил без собаки, а фазана-петуха Тина поймала в кустах без моей помощи и так его «уделала», что можно было не щипать. Но так было в первый и последний раз.

Уже на следующей охоте Тина про-

явила себя во всем блеске. Я расхрабрился и взял путевку на трех петухов, опять егерь выпустил их из клетки, а сам отправился по своим делам. И тут я увидел, что на соседний участок на шести машинах примчались шестеро охотников с собаками, а один из моих фазанов улетел прямо в сторону этой банды. Скоро им выпустили своих фазанов, и они устроили настоящую канонаду. А мы с Тиной через два часа все-таки вытропили двух моих оставшихся петухов и присели на бугорок пожевать. Смотрю в бинокль, а соседи уже сворачиваются, видать, молодые и нетерпеливые.

Мне же не давал покоя мой фазан, улетевший за пределы участка, я хорошо помнил место, куда он сел. Пошел потихоньку вдоль границы-дороги, никого не трогаю и ничего не нарушаю, а сам бочком эдак, сначала на середину, а потом и за дорогу перебрался, метров на десять, совсем чуть-чуть, а «чуть-чуть не считается». Деньги-то за фазана заплачены, мало ли каких границ они тут от балды понаделают! Тина отыскала фазана буквально через пять минут. Если она находит птицу, то делает стойку, а иногда просто ждет, пока я подойду ближе. Бывает, что птица пытается убежать или взлетает, но это случается с чикаром, а фазаны сидят очень плотно. В этот раз петух взлетел на подходе, и я взял его чисто. А Тина вдруг встала в стойку перед соседним кустом. Подхожу, второй петух взлетает! Отпустил его метров на пятнадцать и свалил. Взял первого фазана, перешел через дорогу и вместе с ружьем, на всякий случай, положил на свой участок, а сам, зираясь, побежал за вторым. И вдруг этот подбитый фазан тяжело взлетел и завалился на чужую территорию метрах в пятидесяти от границы. Браконьерство становилось уже злостным, уже штрафом и скандалом в воздухе запахло, но не бросать же добычу на съедение койтам! Тина отыскала фазана быстро, а я бы ни за что не нашел, он так забился в кусты, что торчало только длинное перо из хвоста.

Сейчас я в Тине души не чаю. Умница редкостная и работает без устали, на загляденье: подранков живых приносит, не помая ни единого перышка, правда, в руки отдает без видимого удовольствия. А в последнее время взяла моду относить битую птицу прямо к машине, лишь бы в руки не отдавать! Принесет, положит у дверцы — и все, птица ее больше не интересуется.

Конечно, в Калифорнии есть куда поехать на утку или на гуся, но до ближайших угодий надо добираться 250—300 километров, а для этого требуется много времени и денег. С радостью читал бы книги и журналы об охоте в России, но охотничьей литературы на русском языке здесь никогда не было и нет. Так что остается стрелять фазанов и с тоской вспоминать о давних странствиях с ружьем в сибирских и архангельских таежных дубрах.

Гаттерас, Калифорния

Бездельник

Некоторые истории помнятся в деревне долго, превратившись в легенды, обрастая все новыми и новыми подробностями. Одну из них хочу вам рассказать.

Есть в нашем районе поселок Михайловка. Раньше там был леспромхоз, да за последние годы жизнь его потихоньку угасла. Но речь пойдет не о нем, а о его бывшем работнике по имени Иван, у которого однажды не вернулась с пастибца корова.

Пошел Иван искать ее. Сначала сходил на поле, где озимая рожь начала всходить, затем посетил заброшенные огороды. Прошелся возле речки. Нигде беглянка не обнаружилась.

Дело было осенью, уборка близилась к концу. Рядом с поселком раскинулось пшеничное поле. Комбайнеры не ленились и оставили на нем лишь кучки соломы. Может быть, на это поле корова забрела? А уже смеркалось. Начал переходить Иван от кучки к кучке, направляя глаза, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, корова-то черная.

Совсем неожиданно на фоне неба увидел он ее спину, стояла за кучей соломы и явно жевала зерно. «Ну, ты у меня сейчас получишь, зараза!» — подумал Иван и, подкравшись, огрел ее со всей силы палкой по спине. И вдруг корова встала на задние лапы, да как рявкнет... Иван среагировал мгновенно и рванул до поселка. Прибежал домой, отдышаться не может, а жена встречает его на крыльце злая: «Где тебя черти носят? Корова вон у соседей все цветы вытоптала. Мог бы и загнать, бездельник!»

Ю. ИГОШЕВ
Пермская обл.

Одной пулей - двух медведей

Произошло это более четверти века назад. Жительница небольшого таежного поселка Лорба (сейчас там подсобное хозяйство нефтяников), 69-летняя ханты Анастасия Еридыхова, решила в очередной раз добыть себе рыбы. Надо сказать, что в период весеннего половодья пойма Оби разливается километром на тридцать, и рыба по бесчисленным протокам заходит на нерест и нагул в сора — большие и малые временные водохранилища. А когда соры обсыхают, она снова выходит на Обь.

Сложив сетки и ружье в легкую лодочку-долбленку, старушка выехала в сор. Сетки она расставила на мелководье, где вода лучше прогревается и больше корма. Ночами рыба устремляется именно в такие места, а утром отходит на глубину.

Северные женщины, и не только местные, но и сосланные сюда во время сталинских репрессий, с юных лет уме-

ли выполнять многие мужские работы: легко и быстро запрягать лошадей, заготовливать и вывозить дрова и сено, ловить рыбу и охотиться. Сейчас их в живых осталось мало.

Много трудностей и невзгод пережила и Анастасия, поэтому ничуть не боялась оставаться ночевать у речки или в тайге. Она установила палатку с пологом от гнуса, вскипятила чай, погасила костер и, прихватив старенькое ружье, легла спать. Погода стояла пасмурная, низко над сором плыли косматые тучи, поэтому белая северная ночь была темноватой. Вдруг женщине послышались всплески воды, выглянув из палатки, она поняла, что в ее сторону идет медведь. «Хозяин, уходи», — забормотала с перепугу и на всякий случай зарядила пулевой патрон. Но с пути зверь не свернул, под его лапами чавкала вода в траве, он не осторожничал, не пригнувшись и смотрел только в сторону сора.

Анастасия старательно прицелилась в голову, надо было свалить зверя сразу, а то ведь и перезарядить берданку не успеешь, и выручать некому. Грохнул выстрел. Медведь упал, снова с ревом вскочил, повертелся на одном месте и с храпом завалился вбок. Когда зверь совсем затих, взволнованная старушка с ружьем наготове осторожно подошла к нему. Но что это? Лежит не один, а два медведя! Кровь из обоих сочится свежая... Пуля, перебив шею самца, дальше вошла в череп медведицы. Обе раны оказались смертельными.

Охотница поехала в поселок звать на помощь мужиков. Те ей сначала не поверили, но, приехав на место, увидели все своими глазами.

Медвежатину растащили по домам — у хантов раньше не принято было продавать дичь соседям. Друг друга выручали: сегодня ты дал мяса или рыбы, завтра — тебе.

А. ЗЕЛЕНИН
ХМАО

Атаковал тетерев

Здравствуйте, дорогая редакция! Вот вспомнил смешной, на мой взгляд, случай и решил написать в рубрику «Курьезы охотничьей жизни». Это произошло весной на тетеревином току. Мы с братом пришли ночью на Лысое болото. Из названия болота понятно, что на нем, как на футбольном поле, ничего нет. Деревья растут только по краям, а середина чистая. Ну и шалаш соответственно построен так, что в нем можно только лежать. Сверху он открыт.

Я ростом небольшой, а вот старший брат у меня — «верста Коломенская». Таким образом я легко уместился в шалаше, а он лег так, что его ноги по колени торчали на улице. Лежим, ждем. Над болотом стелется туман. Но посте-

пенно светает. Птицы все еще молчат, и только с озера доносится кряканье уток. Вдруг возле самого шалаша раздается дикий хохот. От неожиданности мы вздрагиваем. Это самец белой куропатки начал токовать. Правда, самого певца рассмотреть не удастся из-за тумана.

Вскоре послышался шум крыльев и на ток приземлился токовик. Через пару минут он начал токовать, и тут же с хлопаньем слетаются еще косачи. Они рассредоточились вокруг нашего шалаша полукругом и начали токовать. Пока было плохо видно, мы лишь наслаждались звуками. Вдруг сзади раздается глухой хлопок, и мой брат резко бросается вперед. Если бы я схватил его за фуфайку, он, кажется, пробил бы головой переднюю стенку шалаша. На лице его был испуг.

— Ты чего? — спросил я шепотом.

— У-у-у, сволочь, напугал...

— Кто?

— Косач! На сапоги кинулся.

Тут меня начал разбирать смех, я лежал и закрывал ладонью рот, чтобы не распугать ток. Я так долго не мог успокоиться, что ни разу и не выстрелил. Оказывается, когда мы лежали, брат качал ногами из стороны в сторону и, видимо, в тумане какой-то тетерев принял его черные сапоги за соперника. Ну и атаковал, разумеется, со всей тетеревиной силы.

А. ОГУРЦОВ
Архангельская обл.

Юся вместо Дины

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам Глазкова Любовь. Мой папа — охотник. Он давно мечтал о настоящей охотничьей собаке и, когда купил ее, был очень рад. Таким образом у нас появился пойнтер по кличке Дина. Мы все ее очень любим, она замечательная, но у нас, к сожалению, нет ее фотографии, поэтому я посылаю вам фото нашего пикинесика Юси, ей три с половиной года, пожалуйста, печатайте...

Л. ГЛАЗКОВА
Волгоградская обл.

Фотоконкурс «Охота и природа, 2004»

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
объявляет очередной фотоконкурс «Охота и природа, 2004»**

Условия фотоконкурса

Принимаются цветные и черно-белые фотографии форматом 15x21 см, а также слайды. Фотоочерки - из любого количества фотографий.

Нашим читателям интересна любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: виды и способы охоты, звери и птицы, работа охотоведов, егерей, охотинспекторов, обществ охотников и охотничьих хозяйств, биотехнические мероприятия, спасение попавших в беду животных, борьба с браконьерством, охотничьи угодья и жанровые фотографии.

За лучшие фотографии и фотоочерки установлены премии:

1 первая - 5000 рублей,

3 вторых - по 1000 рублей,

4 третьих - по 500 рублей.

Присланные на конкурс фото по почте не возвращаются и могут быть использованы для иллюстрирования журнала. Прием фотографий заканчивается 10 декабря 2004 года.

В письме или на оборотной стороне каждого снимка укажите, пожалуйста, фамилию, имя и отчество (полностью) автора, день, месяц и год рождения, паспортные данные, адрес, ИНН, номер страхового пенсионного свидетельства, а также название фото (или серии) и место съемки. На конверте напишите: на фотоконкурс.

Фото Н. Матюшенкова

XV Международная выставка
ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО
НА РУСИ

12-16 февраля, 2004г.

*Крупнейшая
выставка в Европе*

Москва, ВВЦ, павильон 69

Тел./факс: (095) 258-8766; 181-4474

УВАЖАЕМЫЕ ОХОТНИКИ, РЫБОЛОВЫ И ТУРИСТЫ!

Фирма «Оборонтех» (основана в 1992 году)

проводит кампанию по заключению договоров на 2004 год

Мы предлагаем:

Свыше 800 наименований охотничьих, рыболовных и туристических товаров
отечественных производителей

Отгрузку товара по 50 % предоплате и взаимозачету

Отправку товара в любую точку России ж/д багажом,
контейнером, авто- и авиатранспортом

Заявки по почте и факсу круглосуточно

Офис и склад в одном здании. Удобное место нахождения (район 3-х вокзалов)

Быстрое обслуживание клиентов. Оплата: наличный, безналичный расчет

Принимаем на реализацию охотничьи, рыболовные и туристические товары

Будем рады сотрудничать с отечественными производителями

Наш адрес: 107140, Москва, ул. Верхняя Красносельская, д. 15, стр. 2, оф. 253

(5 минут ходьбы от станции метро «Красносельская»)

Тел. (095) 264-84-56, 264-80-76, факс: (095) 264-55-01

e-mail: Oborontech@mtu-net.ru

Здравствуй, дорогая редакция! Я — житель коренной национальности севера — ханты, и поскольку мои предки были рыбаками и охотниками, то и меня не обошла эта судьба.

С 1979 года, то есть с самого начала моей трудовой деятельности, и по сегодняшний день я занимаюсь охотой и рыбалкой профессионально. И с того же времени я — поклонник вашего журнала.

В семье мы по возможности выписывали разные журналы, но любимее «Охоты и охотничьего хозяйства» я так ничего и не нашел. По нему я когда-то учился ставить капканы и вообще очень многому научился, все ваши рекомендации старался применить на практике и все хотел испытать на собственном опыте. И теперь, по истечении лет, могу с уверенностью сказать: у меня все получилось, за что тебе, журнал, огромное спасибо! Благодаря тебе я стал неплохим, а может, и одним из лучших охотников. У меня не пропало ни одного номера с 1979 года.

Вот все, что я хотел написать, желаю всего доброго и всяческих человеческих благ.

Н. НОСКИН
Тюменская обл.

Здравствуй, уважаемая редакция! Я, супруга Гусева Бориса Валентиновича, заметки которого часто печатались в вашем журнале, с глубоким прискорбием и горечью сообщаю, что он умер 7 июня 2003 года в госпитале им. Вишневого г. Красногорска.

Остановилось сердце замечательного человека, труженика, честного, бескорыстного, отзывчивого, замечательного охотника, рыбака, грибника, который до последних дней думал и мечтал об охоте. Этой весной он

Октябрь 1980 г.

собирался на охоту в Тверскую область, но заболел и ждал осенний сезон.

Борис Валентинович начал охотиться в 1951 году в ГДР, где проходил военную службу. За 52 года охоты он объездил множество охотничьих угодий Польши, Карелии, Забайкалья, Архангельской и Костромской областей, Подмосковья.

Он очень любил ваш журнал, собрал подписок более чем за 30 лет, и я читала журнал вместе с ним. После некоторых публикаций у него появились новые друзья из разных районов нашей страны, они писали ему письма, приглашали на охоту. Ни одно из этих писем он не оставил без ответа.

Я помогала ему во всем и сама ходила с ним на охоту. У нас осталось много чучел, сделанных его руками. Мы прожили вместе 22 года, и мне всегда было с ним легко. Прошу поместить эту заметку и фото в память о моем любимом и неповторимом муже-друге — охотнике и любителе природы.

М. ГУСЕВА
г. Москва

Уважаемая редакция любимого журнала! Недавно смотрел по первой программе телевидения передачу «Большая стирка». Так вот я

считаю, что ее ведущий — Малахов оскорбил нашу уважаемую армию охотников, поскольку никак не прокомментировал высказывания одного идиота, обозвавшего охотников «убийцами не только всех животных, но и людей, против которых они могут повернуть свои ружья в любой момент». До чего же безграмотны не только так называемые «защитники природы», но и наши тележурналисты! И ничего-то они, похоже, не читали — ни Толстого, ни Тургенева, ни Хемингуэя. Откуда им, бедолагам, знать, что «...лучший процент из русского народа определяется в охотники» (Некрасов); «Если человек охотник — это хороший человек» (Тургенев).

И. ГОМЗЯКОВ
Архангельская обл.

Дорогая редакция! Хочу поделиться своими приключениями и наблюдениями на охоте за глухарем в связи со статьями В. Флинта в № 3—4 за 2003 год. Со многим согласен, в 2002 году я тоже бежал за непоседой глухарем, который то и дело перелетал от одной глухарки к другой. Всего я насчитал их шесть. Недалеко токовали еще два глухаря.

Я добыл на токах более 20 глухарей, на одной и той же сосне добыл пять птиц за четыре года, и четверо токовали на одном и том же суку на этой же сосне. Это

Дана с осенними трофеями

подтверждает наблюдение В. Флинта, что токовики занимают место добытого глухаря. Еще был случай, когда я дважды подумел одного и того же глухаря, а он, отлетев на 200—250 метров, через семь-десять минут начал снова токовать. В третий подход был добыт уже повеселому.

Вообще, я охочусь с 1965 года, журнал выписываю с 1970-го, все номера перелетены по годам. Есть у меня и каталог по всей охотничьей литературе и журналам, так что найти нужную статью мне не сложно. Веду дневник по охоте с 1973 года. Записываю все охотничьи походы, что добыл, где и когда.

Я люблю многие виды охоты: и глухариный ток, и тетеревиный, и вальдшнепину тягу, и охоту с гончими, и тропление зайчишек и т. д. Держал всю жизнь разных собак. Одно время у меня в квартире их было четыре: две русские пегие гончие, западно-сибирская лайка и фокстерьер. Гончая Забава погибла от зубов волка. Западно-сибирская лайка Дана заняла первое место на 100-й выставке собак в старшей группе, тоже погибла от серых разбойников. Сейчас у меня восточно-сибирская лайка Лада.

Очень вас прошу напечатать фотографию Даны за ее красоту, хорошую работу и ласковое обращение с людьми.

В. КУВШИНОВ
Москва

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишу вам второй раз, первое мое письмо было опубликовано в № 11 за 2001 год. Спасибо! На первой странице обложки было помещено фото бурого медведя, и я вспомнил, как добыл такого же великана.

Это было в 1981 году, мы охотились с двоюродным братом Михаилом. 20 октября, в день открытия охоты, мы вышли на промысел, недалеко от речки собаки нашли белку. Дали им потренироваться и отстреляли зверька. Собак с нами было пять. Все лайки. Жулик — зверовой, Дамка — соболятница, Лапка — по белке и две молодые, по первому году.

Минут через пять как отстреляли белку, впереди метров за 100 залаял Жулик. Он лаял в берег маленького ручейка. Пригляделись и увидели кучу земли, пересыпанную снегом, а под ней нора (чело). Посоветались и решили затыкать чело чурками. Брат свалил пихту (других деревьев поблизости не было), принес четыре чурки и начал швырять их в чело. Дамка возле моих ног обнюхивала крышу берлоги, а Лапка бегала вокруг метров за 50 с испуганным лаем. Молодые собаки легли возле моих ног и никакой реакции.

Только Михаил отошел, Дамка стала разгребать крышу берлоги, а Жулик ей помогал. И вдруг крыша обвалилась и образовались две дыры между корней, в одну из которых высунулась лобастая голова медведя, рыкнула на собак и стала опускаться обратно. Я выстрелил в голову сверху вниз, но немного опоздал. Прибежал Михаил, в берлоге рев стоит... Срубили мы палку и стали щупать, медведь хватал ее зубами и оставлял кровь, нащупали холку, и я еще дважды выстрелил. Собаки перестали лаять, медведь затих.

Когда вскрыли крышу, увидели медведя-великана. Стали вытаскивать при помощи ваг. Перервали ремни поясные с ружьем и рюкзаком, а зверь ни с места. Спасла черемуха. Нарубили хлыстов, распарили на костре, надевали вязок и по 5 сантимет-

ров стали тянуть наружу. Вытаскивали три с половиной часа, а отстреляли за 15 минут. До потемок снимали шкуру, а потом четыре дня носили мясо к избушке на лабаз.

Медведь был очень жирный. На поясничной части сало было более 10 см, а на брюшине — 8 см. В желудке оказалось жидкости не более двух стаканов, а в заднем проходе — смолянистая пробка. Это был самец. Его шкура оказалась 2 м 60 см в длину и 2 м 30 см в ширину. Этот ковер находится у племянницы в г. Томске, а череп — в охотничьем музее Калининграда.

Остается только удивляться, как мог медведь нагулять столько жира. В тот год не было кедровых орехов и черемухи. Правда, в колхозе дер. Унжа пропало около 30 коров, может, это была его работа. Весил он полтонны, если не больше.

Мне сейчас 78 лет, и я уже не хожу на охоту, живу воспоминаниями, читаю ваш журнал, а летом «охочусь» за грибами.

А. ВОРОНИН,
инвалид войны
г. Калининград

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам постоянный читатель и подписчик. Взяться за перо меня побудили две публикации очерка В. Флинта «Глухариные зори» в № 3 и 4 за 2003 год.

Мне и раньше попадались заметки об охоте на глухаря на току, но впервые звонили меня именно строки В. Флинта, словно они вышли из моей души, из моих весенних охот. Читаешь их и будто сам стоишь в предрасветной мгле под глухарем и впитываешь сердцем его незабвенную песню.

Как и во всей Великой Руси, до нас тоже докатились перемены, связанные с «большими кошельками». Простому охотнику становится все труднее услышать древнюю песню на току. Из дюжины токовищ, которые я знаю в нашем районе, три четверти либо разорены, либо захвачены «новыми хозяевами». Идти к ним на по-

клон не хочется по определенным причинам, а быть браконьером не хочется тем более. Однако, несмотря ни на что и, как говорит мой друг, «хоть камни с неба», я уже в течение 16 лет хожу встречать глухариные зори.

Хочу выразить огромную благодарность редакции за подобные публикации. В них — настоящая охотничья душа! Большое спасибо В. Флинту за такой красивый рассказ о глухаре, хочу пожелать ему еще много глухариных зорь в компании с верными друзьями. Иногда, правда, становится немного досадно, что с такими людьми, как В. Е. Флинт, приходится общаться только через журнал, — поговорить бы, поучиться, пожать ему руку!

Сам я по профессии хирург, работаю в Оленинской центральной больнице уже девять лет, сейчас мне 32 года. На глухаря хожу с 14-ти — охоту эту мне подарил отец.

Н. ИВАНОВ
Тверская обл.

Здравствуй, уважаемые друзья-охотники! Мы с семьей живем на границе Кировской и Костромской областей. Возможности для охоты здесь просто великолепные. Я охочусь в основном на крупного зверя — лося, кабана, медведя. Стаж охоты небольшой, но кое-какие успехи есть. Но рассказать я хочу не о себе, а о своей дочке Юле. Ей 13 лет, и она удивительно отличается от своих сверстников, а все дело,помоюму, в охоте! Да, она уже несколько лет охотится вместе со мной. А первая наша охота была на тетеревином току, Юльке тогда было все семь. Она провела со мной ночь у костра, а весной зарю встретила под шипение и бормотание тетеревов.

Каждые осенние каникулы она проводит со мной на охоте. По несколько дней мы живем в зимовье, ловим капканами бобров, куниц, охотимся с собаками. Кстати, собаки — это ее питомцы, две западно-сибирские лаечки. Дочка души в них не чаёт, и они платят ей тем же. Сиживала она и в лабазах на

Это Юля и ее первый глухарь

медведя, не раз стояли мы вместе на номере при загонных охотах, добывали лисиц. А недавно она самостоятельно на току под песню добыла своего первого глухаря.

В девочке столько смелости, азарта, желания охотиться, что мы с женой только диву даемся. Однако про нее не скажешь — «не от мира сего». Юля хорошо учится, увлекается информатикой, занимается английским языком, у нее много друзей. Ни одни районные соревнования среди школьников не обходятся без ее активного участия. Она — чемпионка района по стрельбе среди школьников, призер районных соревнований по четырехборью и полиатлону, неоднократная участница областных лыжных марафонов. И в этом огромная заслуга охоты.

А. ВЕРШИННИН
Кировская обл.

**ЗАПЯСТИ
К СНЕГОХОДАМ
И МОТОЦИКЛАМ**

ВЫСЛАЕМ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ
Адрес: 107258, Москва а/я 4

1

2

ФОТОКОНКУРС

1. Всем охотникам и, следовательно, друзьям собак: С Новым Годом!

Фото В. Хныкина, Петрозаводск

2. В октября 2002 года я был на охоте в Саянах. Мне посчастливилось увидеть громадный кедр. Я исходил немало по тайге, но такого великана встретил впервые. Решил послать его фотографию в мой любимый журнал

Фото Н. Олемского, Красноярский край

3. В погоне за белкой мой Алдан — западно-сибирская лайка, ей два года — в охотничьем

4

5

3

«ОХОТА И ПРИРОДА, 2003»

азарте «взлетела» на ель, на высоту 3,5—4 метра

Фото В. Иванова, Кемеровская область
4, 5, 6. Гончие облаивают кабана, а кабан атакует гончих. Все внимание зверя было на собаках, поэтому мне и удалось три раза щелкнуть кнопкой фотоаппарата

Фото И. Алишихова, Дагестан
7. Жилище диких пчел, разгромленное гималайским медведем

Фото А. Груздева, Приморский Край

6

7

На привале

Осторожно. Волки!

Был хмурый январский день. К полудню потеплело, снег отмяк, потянуло ветерком. Даже на камусных лыжах идти по снежной целине становилось все труднее. Снег налип сверху вдоль всей платформы лыж, утяжеляя их. Сыромятные ремни креплений вскоре раскисли и ослабли. Ноги то и дело соскальзывали вбок с нарастающих подступней и особенно под пяткой снежных бугров. Приходилось часто останавливаться и сбивать их. Прибитая на платформе камусная стелька не спасала. До лесной избушки под крутым скалистым увалом на дальнем восточном берегу большого лесного озера оставалось около трех километров, когда я, совсем выбившись из сил, присел отдохнуть на валежину. Двенадцать километров зимнего бездорожья остались позади. Впереди расстилась ровная гладь озера Каска с его причудливыми заливами, горбатыми мысами и небольшими островками, которые щетинились низкорослыми соснами. Не снимая тяжелого рюкзака с десятидневным запасом продуктов и снаряжением, я пристроился так, что он лежал на двух толстых суках валежины, ослабив ремни. С озера тянул ветерок. Лес тихо шумел.

Далеко впереди под высоким крутолобым мысом, завалившимся в озеро и отгородившим в его самом широком месте третью часть акватории, на льду двигалась какая-то темная точка. Вот она исчезла, снова мелькнула и пропала совсем. «Наверно, лиса рыщет, — подумал я. — В прошлый раз, как и много раньше, ее следы, да и она сама именно там попадались». Высокий горб мыса господствовал над озером. Его северный крутой взлобок порос мелким кустарником и молодым сосняком, далее по хребту переходившим в плотный средневозрастной сосняк с березой и елью. Грива эта тянулась почти прямо на юг добрых полкилометра, отделяя от озера узкий, всегда тихий, слегка таинственный глубокий залив. С севера он был перекрыт узкой полоской низкого заболоченного берега, а с юга соединялся с озером через тесную горловину. Мне предстояло пройти мимо под северным скатом мыса и далее через полукилометровую озерную гладь к лесу под «Хребтом дракона». Так назвал узкую прибрежную каменистую грядку склонный к экзотике наш старший коллега Б. Т. Семенов, по инициативе которого под этим «хребтом» была построена маленькая курная избушка — наше пристанище в охотоведческих скитаниях. Сейчас я шел в нее, чтобы проводить учет охотничьих зверей и птиц на постоянном маршруте.

Ветер усилился, глухо зашумел лес, с его ветвей то тут, то там срывались и плюхались в снег куски подтаявшей кухты. Пролетали крупные влажные снежинки. Пора было идти, пока погода не разбухивалась вовсю.

До горбатого мыса осталось полпути, когда налетел сильный снежный заряд. Ветер свистел, снег стремительно мчался навстречу, сек лицо. Все вокруг тонуло в белой мельтешающей мути. Ноги то и дело соскальзывали с лыж, тяжелый рюкзак тянул во вправо, то влево, сбивая с плеча ремень малокалиберной винтовки ТОЗ-11. Снежный заряд иссякал. Я с надеждой поднял голову и посмотрел вперед. Ноги сами встали, по спине пробежал нервный озноб. С крутого склона мыса легкой трусцой спускались к подножью четыре волка. Первый приземистый и слегка растянутый в длину хищник деловито и спокойно

трусил впереди. Три других, поотстав, весело махая хвостами и для порядку огрызаясь друг на друга, как дурашливые деревенские псы, игриво бежали следом. Звери были спокойны, беспечны, явно довольны жизнью и не подозревали о моем присутствии. Вот они достигли льда и один за другим исчезли с его поверхности, как нырнули куда-то. Над снежной белизной только иногда мелькали кончики их жизнерадостных хвостов. «Что делать? Мелкашка ненадежное оружие против волка. Но не бросятся же они на меня. Обычно волки боятся человека. Надо бы отойти под прикрытия леса и подобраться поближе. Но до него дальше, чем до волков, а сил совсем мало. У них там, наверное, добыча, скорее всего лось». Налетел новый снежный заряд. Все потонуло в белой мгле, завыв ветер. «Пойду прямо на них, пока пуржит» — и тронулся вперед. Сколько прошел через пургу и вой ветра, трудно сказать. Вдруг из снега, как по команде, выметнулись волки — пять! Четыре, не спеша, пошли в гору, пятый, самый большой, по виду самец-вожак, уселся на снег грудью ко мне и уставился в мою сторону. Замер неподвижно, как изваяние. Что он думал? Просто сидел и смотрел, не привыкший к посетителю. Собратья скрылись в сосенках. Вожак продолжал сидеть и глядеть в мою сторону.

«Сколько до него? Дальность прицела моей винтовки 250 м. Пожалуй, не больше этого, в крайнем случае 300», — промелькнуло в мозгу. Я медленно опустился на колено, поднял до предела прицельную планку. Сквозь мельтешенье снежинок долго целился, плавно нажал спуск. Осечка. Открыл затвор, выпала гильза, потянуло дымком. Выстрел-то был, но за воем ветра и от волнения я не уловил хлопка. Волк неподвижен. Второй патрон, выстрел. Волк вскочил, развернулся боком головой к озеру, смотрит в мою сторону. Третий выстрел. Волк злобно схватил себя за зад, развернулся и потрусил в гору. Раз за разом послал ему вслед еще две торопливые пули. Вот он последний раз мелькнул в сосняке.

Из последних сил побрел я сквозь вой ветра и снежную круговорот. Вот и яма в снегу. На дне ее, на утопанном льду озера жалкие останки лося. Разбираться с ними не было ни сил, ни желания. Скорее в избушку. Короткий зимний день угасал.

Вскоре ветер стих, небо прояснилось. Ночью спалось плохо. С рассветом встал на лыжи. Высохшие за ночь камусные лыжи легко скользят по подмерзшему снегу. Вот и памятный мыс. В яме на льду от лося мало что осталось, да и то занесено снегом. По вершине горбатого мыса тут и там тропы и лежки волков. Стая провела здесь не одни сутки. Вот и вчерашняя тропа. В закрытых от ветра местах на ней кое-где капли крови. Волк ранен. Следы спустились к заливу и пошли на юго-запад в ельник. Но один след круто отвернул в ближайший мысок. В лесу на нем стали заметны темные точки застывших капель крови. «Подранок отстал от стаи. Внимание».

Медленно и как можно тише, внимательно оглядывая все укромные места по ходу зверя, пробирался я вперед. След нырнул в гущу елочек. На небольшой площадке среди них лежка. Дно ямки уже подстыло, ближе к одному концу ее красное пятно. Волк ушел давно. Ход его по-прежнему осторожен, шаги коротки. Вот и вторая остьвавшая лежка, но уже без следов крови. Волк встал с нее уже ночью, лоток лежки подмерз, след отвердел.

Широким уверенным аллюром зверь уходил прямо на юг. Вот и тропа стаи. Волк ступил на нее. Через километр, за просекой, идущей с востока на запад, он настиг отдохавшую стаю. Четыре остьвших лежки, площадка, на которой топтались звери при встрече, несколько мочевых точек. И спокойная уверенная волчья тропа дальше на юг к лесной речке Модье. Идти за ними дальше не имело смысла. Меня ждали дела.

НА ПРИВАЛЕ

Быстро шли дни. Продукты были на исходе. Завершая постоянный учетный маршрут, вышел на покосы вдоль р. Модьи и наткнулся на следы россомахи. Зверь колесил на небольшой площади вдоль северного берега речки, явно чем-то заинтересованный. На другой день я пришел на это место, чтобы выяснить, в чем тут дело.

За речкой далеко на юг простиралась на всхолмленной местности старая вырубка, зарастающая березой и елочками. Но россомаха не переходила на южный берег, петляла по ельнику на северной стороне реки. На правом берегу на небольшом взгорке между двумя овражками виднелись какие-то следы. Вблизи стало ясно, что это волчи. «Вот они, мои знакомые». Подняться на камусных лыжах по небольшому склону не составляло труда. На его вершине за группой деревьев передо мной предстала картина нового пиршества стаи. На снегу распластались остатки шкуры громадного лося. Тут и там валялись обглоданные кости, обрывки шкуры, почти целая передняя

нога с большим раздвоенным копытом, на утопанной площадке белел обглоданный череп. В одном из обрывков шкуры удалось распознать сергу самца. Изумляла кроваво-красная шуба вокруг стволика одной березки на высоте до полуметра над поверхностью снега. Видимо, кровь, брызгавшая из раны жертвы, бившейся рядом, смешалась со снегом причудливой вуалью. От места кормежки тропы уходили в глубь вырубки, а одна извивалась по речной долине вниз по течению на восток.

Все следы уже успели затвердеть на морозце. Самой свежей, но не суточной давности казалась тропа на восток. Вероятно, накануне я спугнул стаю, когда проходил маршрут по северному берегу речки. После нашей встречи на озере стая стала осторожнее и ушла, оставив гораздо больше остатков трапезы, чем на льду озера.

На другой день я ушел из избушки на станцию и оставил лесных «санитаров» в покое до весны.

Н. ГРАКОВ, биолог-охотовед

Обнаружен еще один раритет

Старинные естественнонаучные коллекции хранят множество загадок и тайн. Иногда удивительные открытия делаются в недрах музейных хранилищ. Новый, неизвестный экземпляр вымершей почти полвека назад птицы обнаружен в Дарвиновском музее в Москве.

Орнитологи Дарвиновского музея при научной обработке уникальных коллекций музея обнаружили чучело взрослого самца вымершего императорского дятла *Сампреphilus impregalis*. Ранее это чучело малоизученной птицы было неправильно определено и ошибочно числилось как экземпляр другого вида мексиканского дятла.

Императорский дятел — самый крупный из более 200 видов дятлов мировой фауны — одна из самых загадочных птиц Западного полушария, он населял когда-то сосново-дубовые леса западной части горного хребта Сьерра-Мадре в Мексике (2000—3000 метров над уровнем моря).

Вырубка лесов привела к резкому сокращению численности, а затем и к полному вымиранию этого вида. С 1958 г. орнитологи безуспешно пытались найти следы исчезнувшей птицы, организуя специальные экспедиции. Особенно активные поиски проводились во второй половине 1990-х годов, после сообщения о встрече в природе императорского дятла, однако находка не подтвердилась, и поиски не увенчались успехом.

Обнаруженное в фондах Дарвиновского музея чучело взрослого самца этого вида имеет огромную музейно-экспозиционную и научную ценность. В музей экспонат попал в 20-х гг. прошлого столетия, предположительно, в составе одной из дореволюционных частных коллекций. В собраниях крупнейших музеев мира насчитывается не более 10 экземпляров императорского дятла. Теперь и в Москве — в Государственном Дарвиновском музее — можно увидеть единственное в России чучело этой вымершей птицы, экспонируемое с 31 июля 2003 г. Возможно, именно эти музейные экспонаты помогут возродить вымерший вид. Современные методы молекулярной биологии позволяют выделить и воспроизвести ДНК из старых чучел, значит, есть надежда, что в недалеком будущем удастся клонировать исчезнувшую птицу.

Дорогие друзья!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается. Наш индекс 70673 по каталогу Роспечати

ФЛИНТ В., СОРОКИН А., МИХАЙЛОВА Н. Русский кречет в опасности	1
РУСАНОВ Я. На медведя облавой	4
ТЕМЕРОВ В. Консультации юриста	6
ДОРМИДОНТОВ Р., ЖИВОТЧЕНКО В. Во Владимирской области	8
В защиту прав и свобод охотника	10
В защиту прав потребителя	11
БЛЮМ М. Двуствольное ружье МР-233 и его модификации	11
КЕЦИК И. «Сам на сам»	12
ДИГИЛЕВИЧ А. Зима! Природа! Охота!	16
ЕГОРОВ О. «Моими любимцами были гончие»	18
БЛЮМ М. Оружейная выставка в Ижевске	22
ЧЕРНЫШЕВ В. Ею выбрала судьба (К 50-летию М. В. Булгакова)	24
БУЛГАКОВ М. Возвращение красного коня	26
ПАНКРАТОВ В. Академик охотничьей живописи	32
МОРОЗОВ Б. Русский охотник в Калифорнии	36
Курьезы охотничьей жизни	39
Письма читателей	42
Фотоконкурс «Охота и природа, 2003»	44
На привале	46
Реклама	7, 41, 43
ШИШКИН В. Гагары	48

На первой странице обложки:
Охота — мечта многих молодых людей, это прежде всего чувство поэзии, ощущение сказочности природы. Всем охотникам России желаем счастливой охоты в Новом году.

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:
«Прямо тут же, близко, за околицей... начинается волшебный мир» М. Пришвин

Фото О. Чугунихина

На четвертой странице обложки:
Счастливая охота, драгоценный трофей, великолепная фотография на память

Фото А. Дигилевича

Главный редактор О. К. Гусев
Редакционная коллегия:
М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина
Художник Т. В. Баженов
Художественный редактор М. Л. Кнерцер
Корректор Э. С. Корчагина
Фотокорреспонденты:
А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 05.11.2003 г. Подписано к печати 28.11.2003 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 31540 экз. Заказ 3262. Цена 28 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спаская ул., 18.
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени
ГУП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ГАГАРЫ

Среди еще не рассмотренных нами групп водоплавающих птиц выделяется древностью происхождения отряд гагарообразных, или просто гагар. Остатки предков современных гагар находятся по соседству с костями динозавров в позднемеловых отложениях. Ныне здравствующие пять видов гагар предпочитают гнездиться на водоемах тундровой и лесотундровой зон, хотя наиболее распространенная у нас чернозобая гагара продвинулась далеко на юг, к водоемам степной и полупустынной зон Южной Сибири. Встречаются гагары как в Старом, так и в Новом Свете. Гагары занимают заметное место в фольклоре народов Севера. Стонущие, воющие, гогочущие крики этих крупных птиц, их своеобразная окраска, привязанность к месту гнездования и партнеру по паре, совершенные способности подводного рыболовства неоднократно обыгрывались в легендах, сказках. Большую опасность для гагар представляют рыболовные сети, нефтяные загрязнения, фактор беспокойства в гнездовое время. В Красную книгу России занесены европейский подвид чернозобой гагары, белоклювая гагара. Охраняются гагары и в других странах, предпринимаются попытки их разведения в искусственных условиях.

Образ жизни всех пяти видов гагар в основном сходен. Есть много общих черт и во внешнем облике, от самой мелкой краснозобой гагары (ср. вес 2 кг) до самой крупной — белоклювой (свыше 6 кг). Торпедообразная форма тела, низкая посадка на воде, короткий хвост и относительно короткая шея. Клюв вытянутый, заостренный, у краснозобой и белоклювой слегка вздернут вверх. Лапы, отнесенные назад, с развитой перепонкой, обеспечивают свободное ныряние. Низ светлый, спинная сторона темная, иногда с крапчатым рисунком. Радужина красноватая. Окраска обоих полов сходна, зимой менее яркая. У молодых несколько буроватых нарядов. Полет тяжелый, взлет с разбегом. По земле передвигаются неохотно, чаще на брюхе. На места гнездования прилетают в апреле—мае. В высоких широтах к гнездованию приступают позднее. Гнездо на берегу или на сплаvine, довольно открытое. Разнообразное брачное и территориальное поведение. В кладке обычно два светлых с темным крапом яйца. Насиживание 3,5—4 недели. Пуховики темно-бурые. Развитие по выводковому типу. В питании доминирует рыба. **Краснозобая гагара** от других отличается мелкими размерами, красновато-рыжим горловым пятном в брачном наряде, почти одноцветной спиной, приподнятым вверх клювом. Гнездится на мелких водоемах тундровой и лесной зон. **Чернозобая гагара** крупнее (около 3 кг). Горловое пятно черное с пурпурным оттенком у западного подвида и зеленым — восточного. Голова и задняя часть шеи однотонно серые. **Белойшейная гагара**, ранее считавшаяся подвигом черношейной, отличается от последней меньшими размерами, более тонким клювом. Задняя часть шеи заметно светлее более темной лицевой части головы. Горловое пятно с синевато-фиолетовым отливом черным кантом внизу заходит на заднюю часть шеи, подрезая белые продольные полосы ее боков. На севере Чукотки местами замещает черношейную, а в зоне совместного обитания не образует, как правило, гибридных пар.

Самая крупная, **белоклювая гагара**, гнездящаяся у нас в тундрах от Новой Земли до Чукотки, имеет черную голову и шею, спереди пересеченную по горлу светлой полосой и ниже двумя светлыми полумесяцами по бокам. И полоса, и более широкие полумесяцы имеют продольную черную исчерченность. На спине мелкий крап, а на плечах белый, «шахматный», рисунок, в отличие от белых поперечных полос чернозобой гагары, клюв которой к тому же черный. На Востоке и на Западе России зарегистрированы залеты **черноклювой**, или полярной, гагары, похожей на белоклювую, но немного уступающей последней размерами (около 4 кг против 5—6 кг). Клюв черноклювой гагары — черный. Возможно, ее гнездование на Новой Земле.

В. ШИШКИН

Белоклювая гагара

Чернозобая гагара

Краснозобая гагара

Черноклювая гагара

Белоклювая гагара с птенцом

Чернозобая гагара, восточный подвид, в брачном и зимнем наряде

Белошейная гагара

Краснозобая гагара молодая и взрослая

Чернозобая гагара у гнезда

краснозобая

чернозобая

белошейная

белоклювая

Индекс 70673 — на полгода. Цена 28 рублей

ISSN 0131-2596. Охота и охотничье хозяйство, 2004. № 1. 1-48